

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1971

ВОСХОЖДЕНИЕ

Евгений Владимирович Щепетнов

1971. Восхождение

Серия «Михаил Карпов», книга 3

Серия «Новый фантастический боевик. Миры Евгения Щепетнова»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51854184

1971. Восхождение: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-110531-0

Аннотация

Приключения Михаила Карпова в СССР продолжаются. Писательский успех позволяет герою переехать в Москву и заняться обустройством быта. После всех испытаний, что успел преодолеть наш герой, его ждут медные трубы. Слава неожиданно появившегося писателя-фантаста бежит впереди героя. Узнаваемость где-то помогает Михаилу, а где-то и вредит. Путевка в дом творчества, солидные гонорары, успех у женщин – всё это способно ослабить внимание и заставить плыть по волнам, получая от жизни максимум. Но герой не таков. Его задачи глобальны, а успех – лишь инструмент, приближающий к реализации глобальных целей. Хватит ли герою сил, чтобы не отклониться от выбранного курса?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Евгений Владимирович
Щепетнов
1971. Восхождение**

© Щепетнов Е.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Я сидел перед Аносовым и наблюдал за его лицом. Оно было страшным. Бледным, окаменевшим, будто выточенным из камня. Он смотрел фотографии, которые я ему привез. Те самые фотографии, которые я забрал у маньяка Сливко.

А еще – он посмотрел пленку. Только отдельные кадры из пленки, не все, но этого ему хватило. И я его понимаю. Я видел эти пленки – уже оцифрованные, выложенные в интернет. И они меня тоже потрясли. Но я был готов к их восприятию, я знал о Сливко, и как писатель – я хотел узнать, как выглядит абсолютное Зло. Ради знания. Ради информации.

А еще – я прошел чеченские войны и захватил чуток Афганистана. И видел трупы наших солдат. И видел съемки, сделанные «духами». И все равно меня потрясло. А для человека, живущего в 1971 году, безопасном, «застойном» году, в котором ничего и никогда не случится, – это было за пределами.

Аносов отложил фотографии, касаясь их так, будто они были вымазаны в чем-то отвратительном, ядовитом, – одними кончиками пальцев. Потом принес металлический поднос – старый, поцарапанный, вроде как медный или латунный. Когда-то поднос, наверное, был покрыт серебром, но серебро от времени стерлось, оставив после себя покрытую зеленой патиной поверхность.

Тренер снова взял в руки фотографии и начал их рвать. Рвать и бросать на поднос. А когда на подносе образовалась приличная кучка рваной фотобумаги – чиркнул спичкой. Спичка долго не хотела загораться, потом сломалась, он достал из коробки новую, снова начал яростно чиркать. Я хотел уже забрать у него спички и зажечь огонь, но спичка все-таки вспыхнула, а через несколько секунд занялась и кучка на подносе.

Дым от сгоревшей бумаги поднимался под самый потолок, а тренер смотрел и смотрел в огонь, и я видел, как у него дрожат руки. Наконец он оторвал взгляд от затухающих останков бумаги, повернулся ко мне:

– Как ты его убил?

– Три пули в голову.

– Он не мучился перед смертью?

– Помучился. Я его допросил.

– Как? Ты ему что-нибудь сломал? Расскажи!

– Я воткнул ему в колено переплетное шило и шатал, пока он не потерял сознание.

– Хорошо! Это хорошо! Надеюсь, он как следует почувствовал боль!

Аносов встал, подошел к шкафу, достал оттуда фотографию. С нее смотрел мальчишка лет тринадцати – улыбочивый, в пионерском галстуке. Очень похожий на Аносова.

– Мой сын Вовка. Сейчас был бы уже взрослым. Я бы учил его стрелять. Он хотел стать военным, как и я...

– Что с ним случилось? – спросил я, уже практически зная ответ.

– Его убили. Кто-то перерезал ему горло, когда Вовка шел домой из школы. Забрали мелочь, часы, которые я ему накануне подарил. Их было трое. Все старше Вовки – по шестнадцать-семнадцать лет. Они жили неподалеку. Их нашли. Судили. Дали смешные сроки – пять, семь лет. Старшему – девять. Они отсидели половину срока и вышли.

Аносов замолчал, глядя в пространство, а я ждал, не нарушал тишины. И он продолжил:

– Я в командировке был, в другой стране. Я не мог даже уехать, похоронить своего сына. Так случилось. Так было надо. Я военный. Но я их дождался. Старшего, того, что перерезал горло моему сыну... он долго умирал. И плохо. Я не хочу даже тебе рассказывать, как он умер. Иначе ты меня самого сочтешь маньяком. Двое других умерли просто. Я свернул им головы. Для их родителей, для всех в этом мире – они просто исчезли. Никто так и не узнал, куда они делись. Завели дело, ко мне приходили – менты ведь не дураки. Но ничего не смогли доказать. Пугали, угрожали, а я только пожимал плечами.

Аносов потер лоб запястьем правой руки, сильно зажмурил глаза.

– С женой мы расстались. Она мне не простила, что, когда наш сын умирал, меня не было рядом. Больше я не женился. Где сейчас бывшая жена – не знаю. Она меня возненавидела

и оборвала все связи. Да я и сам себя возненавидел, так что ее не виню. Больше у меня детей не было. Женщины были – я же все-таки мужик. Но детей не было, наверное.

– Наверное? – переспросил я.

– Была одна женщина... уехала. Потом мне рассказали, что она беременна, и, скорее всего, от меня. Уехала на Север. Вроде как в Норильск, но точно не знаю. Мы с ней поспорились – она хотела замуж, детей, а я не хотел.

– Почему? Почему не хотел?

– Трус потому что. Я – трус! Потерять еще одного сына?! Я этого не переживу. После смерти Вовки я запил, и меня едва не уволили из армии. Потом все-таки нашел силы, взял себя в руки. И поддерживала меня только одна мысль – дождаться! Дождаться этих тварей! И я дождался.

– Почему ты мне это рассказал? Вернее – почему ты мне рассказал это именно сейчас?

– Один из мальчишек, тех, что на снимках... очень похож на моего Вовку. Так похож, что я чуть в обморок не упал, как какая-нибудь институтка. Ты, наверное, удивился, чего это я так все воспринял, тертый-перетертый старый пень? Потому тебе и рассказал. А еще потому, что теперь у меня есть цель в жизни. Ты знаешь – какая.

– Мне «марголин» самому нужен. Так... на всякий случай! – сказал я неуверенно, ожидая требования вернуть пистолет. Но Аносов махнул рукой:

– Найду я себе ствол. И глушитель сделаю, теперь уже по

накатанной, – совсем несложно. Нет, так-то сложно, конечно, но сейчас я знаю, как его делать, приемы изготовления отлажены – все будет как надо! А можно и без пистолета обойтись. Это ты снайпер, тебе без ствола никак. А я... я диверсант, разведчик. Я тихо убиваю. Нож, удавка, дубинка – вот мое. Список я помню наизусть – тот, что ты мне дал. Не забуду. Так что, Миша, ты занимайся своим делом, а я буду своим. Может, спасу какого-нибудь Вовку... и мне зачтется на том свете. Если он есть, конечно, тот свет. А если нет – мне плевать! Главное – я сделаю то, что должен сделать.

Мы помолчали, Аносов встал, взял поднос, аккуратно ссыпал пепел в мусорное ведро. Потом настежь открыл окно и впустил в комнату свежий майский воздух, тут же унесший из тренерской едкую вонь сгоревшей фотобумаги.

– Когда ты уезжаешь? – Аносов взял чайник, подошел к крану, налил воды. – Уже не вернешься?

– Что значит – не вернусь? И куда уезжаю? – улыбнулся я, с облегчением меняя тяжелую тему.

– В Москву, конечно! – покосился на меня Аносов. – Ты же насовсем уезжаешь? Или я что-то не понял?

– Насовсем, – кивнул я, и мне стало грустно. – Не знаю, свидимся ли...

– Свидимся! – уверенно заявил Аносов. – Земля круглая! Адрес оставь – буду в Москве, к тебе забегу. Жаль, конечно, что ты уезжаешь. Но тебе надо делать важное дело! И важнее его нет сейчас ничего. А насчет маньяков – забудь, те-

перь это не твоя забота. Знаешь, когда ты мне в первый раз рассказал – я тебе поверил, но... все-таки, наверное, не до конца. И только когда ты привез фотографии... Но не будем об этом. Тяжелая тема. Теперь – она моя. Я снимаю с тебя ответственность по этой теме! Забудь про этих тварей. Они мои.

Мы помолчали, а потом Аносов продолжил:

– И вот что тебе скажу, Миша... я не знаю, как у тебя сложится, что с тобой будет, но знай: если понадобится моя помощь – любая! Обращайся. Повторю – ЛЮБАЯ помощь.

* * *

Дорога домой из Ростовской области не заняла много времени. Ночь, день – и я дома. Не скажу, чтобы я был спокоен, пока ехал, – как можно быть спокойным, если у тебя в машине лежит пистолет, из которого ты недавно убил двух человек? И не просто пистолет, а с глушителем! То есть – непременный атрибут всех киношных киллеров. Если ты киллер – у тебя обязательно должен быть пистолет с глушителем. Иначе нещитово!

Смех смехом, но если бы меня прихватили с «марголиным» на кармане – дешево я бы не отделался. Хотя отпечатков моих нет ни на нем, ни на запасном магазине. Уж об этом-то я позаботился.

Когда приехал, Зина ничего меня не спросила. Только по-

смотрела в глаза, а я ответил на невысказанный вопрос – кивком. Она тоже кивнула и поцеловала меня. И больше мы о том, куда я ездил и зачем, не говорили.

В газетах, как ни странно, ничего про убийство двух человек в Ростовской области не писали. Впрочем – почему странно? Это в 2018 году все газеты, все СМИ будут неделю смаковать описание какого-нибудь смачного преступления, подкрепляя интерес особо яркими, сочными фотографиями. В 1971 году такого не бывает. Даже о крупных катастрофах передают только из уст в уста – слухи, рассказы знакомых или даже зарубежные «голоса».

Помню, как в Саратове в пятиэтажке на улице Танкистов взорвался бытовой газ. Стену дома вынесло практически полностью, обломки полетели через улицу. Ну и что? Хоть одна газета того времени об этом писала? Да боже упаси! В СССР нет проституции, нет наркомании и нет катастроф. Советский человек живет в раю! И пусть так дальше и... думает.

Двойное у меня чувство от жизни в этом мире, мире 1971 года. Именно мире, а не времени – я не уверен, что это мой мир. Совсем не уверен! Ведь я уже внес изменения в историю – например тем, что сообщил о скрытых в руководстве КГБ шпионах. Так почему я о них помню? Об этих предателях? Вернее, так: я помню об этих шпионах не потому, что их разоблачили в 1970 году после моего письма, а потому, что в официальной истории, не потерпевшей изменений с

моей легкой руки, они жили и здравствовали аж почти что до 1990-х годов. И если бы изменения в истории произошли, я и должен был помнить, что шпионов арестовали в 1970-м. А если их арестовали в 1970-м, как я мог написать письмо об их работе вплоть до 90-х годов?

Стандартный парадокс попаданца в прошлое: ты идешь и убиваешь своего дедушку. (С какого-то хрена! Кто придумал такую дурь?! Да я за дедушку всех порву!) Убиваешь его до того, как он зачнет твоего отца или твою мать. И значит, ты не мог бы родиться! А если не родился, то как попал в прошлое и убил дедушку?

Единственный способ разрешить этот парадокс – взять за основу ту гипотезу, что ты переместился не в прошлое своего мира, а в параллельный мир, в котором время течет медленнее, чем в твоём. То есть в моём мире 2018 год, а в параллельном ещё 1970-й.

Возможно ли это? Возможно. А почему – нет? Ученые давно выдвинули гипотезу, что существует бесконечное число параллельных миров, и значит – вполне, вероятно, что в них есть миры, время которых течет медленнее или быстрее, чем в исходном мире.

Существует и ещё одна теория касательно попаданцев в иное время. Тот же парадокс рассматривается как узловое место, которая пускает единый мир по разным дорогам. То есть, попав в свой же мир в прошлое и совершив некое изменение (вспомнить «И грянул гром!» Брэдли), ты создаешь

новый мир, который движется по новой траектории развития. И каждый раз, когда путешественник во времени вольно или невольно изменяет реальность, он создает новые и новые миры, существующие параллельно исходному миру и существующие абсолютно автономно! Это не противоречит теории бесконечного множества миров и радикально устраняет временной парадокс.

Но мне все-таки больше нравится первая теория, как более простая и не такая головоломная. Возможно – просто потому, что мысль о том что я невольно являюсь создателем миров, приводит меня... хмм... в трепет? Нет, не в трепет, для этого я слишком практичен и «толстокож» – просто немного не по себе. Кто хочет быть создателем миров? Кто может легко и непринужденно взять на себя эту ответственность?

Нет уж – пусть будет параллельный мир, и я в нем немного порезвлюсь, меняя историю в лучшем, на мой взгляд, направлении. Любой мальчишка, с детства увлекающийся фантастикой, не раз и не два думал: «А вот попасть бы в прошлое, туда, где наши бились с ордами Мамаю! И дать нашим пулеметы! И танки! И гранаты с пушками! Вот было бы здорово! И что бы получилось?»

Вот мне Провидение и дало такую возможность – узнать, «что бы получилось?». Только не с мамаевыми ордами, а всего лишь с обычными советскими гражданами. И с их руководителями. И без пулеметов и танков. Всего лишь пятиде-

сятилетний отставник, бывший вояка, спецназовец, а потом омоновец – голый и босый, жарким июньским днем заброшенный из 2018 года в 1970 год. Кто забросил, зачем забросил – откуда я знаю? Ну вот кто «забрасывает» человека в его тело и заставляет жить? И кто убирает его из тела, когда придет срок? Никто не знает.

Ну да, есть люди, утверждающие, что они все знают – и про то, какие есть на свете боги, или Бог, и как нужно жить, чтобы им, богам этим, угодить. Но они все врут. Ничего они не знают, кроме того, как быстрее и эффективнее опустошить карманы прихожан. А Что или Кто есть на свете и как Он играет судьбами людей – мы никогда не узнаем. Шахматные фигурки не знают, чья рука двигает их по клеткам жизненного поля. Мы можем лишь жить так, как нам кажется ПРАВИЛЬНЫМ. И каждый это понимает по-своему.

Вот втемяшилась мне в голову идея изменить мир, сделать так, чтобы Советский Союз не распался, чтобы он стал могущественным и сильным – сильнее всех на свете. И я пытаюсь этого добиться. Пытаюсь достучаться до руководства Союза. До тех людей, которые могут все изменить и, самое главное, – хотят это сделать. У меня очень мало времени. До развала страны остается тридцать лет, до окончательного развала. Но он, этот развал, начался именно сейчас, после того как Брежнев окончательно вошел в силу, подмял под себя все Политбюро, убрав оттуда всех, кто мог хоть как-то покуситься на его власть.

Вначале я сделал ставку на Брежнева, решив, что генсек просто не догадывается, к чему приведут его непродуманные деяния. Думал, что, если подсказать Брежневу, доказать, что все мои слова правда, – он начнет реформы и спасет страну. Но я ошибался. Я жестоко ошибался. Брежневу не нужно ничего менять. Он не хочет ничего менять. Он жестко противится любым переменам! Более того, он разрушает те реформы, которые попытался провести Сталин и результаты которых присвоил себе Хрущев.

Обдумав свои действия, придя к выводу об их ошибочности, я выбрал из всего сонма советских руководителей того человека, который мог бы поправить ситуацию, того, кто стал бы эффективным менеджером, способным на радикальные меры, того, кто не побоится ни крови, ни пота и положит свою жизнь на то, чтобы сохранить СССР. С моей точки зрения, это – Шелепин, тот, кто сверг Хрущева, и тот, кого Брежнев, пришедший к власти с его помощью, постепенно совершенно отстранил от власти и практически отправил в изгнание, исключив из членов Политбюро.

Я отправил Шелепину письмо, которым сопроводил те письма, которые я отправлял Брежневу и Андропову и в которых постарался дать максимум информации о будущем страны.

Да, я мог бы спокойно жить, наслаждаясь свалившимся на меня успехом, успехом моих книг в этом мире. В своем времени, своем мире я был писателем средней руки, писав-

шим неплохие фантастические книги, терявшиеся в потоке всевозможной фантастической литературы. Здесь потерять-ся трудно – никто из нынешних фантастов не пишет фэнтези. Мне лишь оставалось вспомнить то, что я написал, и перенести книги на бумагу. Что я и сделал, начав со своего фэнтези-сериала «Нед».

И, честно сказать, сам не ожидал, насколько успешно мои книги начали продаваться. Нет, так-то я знал, что продаваться они будут хорошо – конкурентов-то нет! Даже Толкина в этом времени в СССР еще не издали! Но чтобы получился ТАКОЙ успех – этого не мог предположить даже я. Моеими книгами заинтересовалось даже иностранное издательство – «Фаррар, Страус и Жиру». И пятого июня я должен быть в Нью-Йорке. Мне устраивают пресс-конференцию перед началом продаж моей книги, переведенной на английский язык.

Теперь, когда я сделал то, что задумал с самого начала моего пребывания в этом мире, – убил двух маньяков, Сливко и Чикатило, я могу с чистой совестью заняться своими делами. И первое, что надо сделать, – поехать в Москву и отремонтировать квартиру, которую получил после смерти известной поэтессы Капитолины Прокофьевны Залиной-Могилевской. Квартиру в «сталинке» возле станции метро «Динамо». Туда я попозже перевезу мою беременную подругу Зинаиду. Зина с самого начала знала, кто я такой, и поддерживала меня всем, чем могла, – и деньгами, и связями, и просто давала

моральную поддержку.

Трудно выжить человеку в чужом мире, без документов и знакомых людей. Очень трудно. И если бы не Зина... не знаю, как я бы жил дальше и смог ли бы пробиться со своими книгами в такое короткое время. В моем успехе ее вклад просто огромен и, можно сказать, неоценим.

А еще – она носит под сердцем моего ребенка.

Глава 1

В этот раз я отправился в Москву самолетом. Поездом, конечно, привычнее, только... ну его на фиг! Терять драгоценное время на пребывание в вагоне – это не для меня. Погода летняя, проблем никаких не предвидится, так что... лечу!

С Зиной простились очень тепло, она даже немного всплакнула. Вообще, заметил – с тех пор как забеременела, Зинаида стала гораздо мягче. Раньше, чтобы выжать из нее слезу, надо было очень постараться, и то, это были бы скорее слезы ярости, злости или же, наоборот, – смеха. Но чтобы вот так, плакать, упершись головой в грудь мужчины... Материнство меняет женщин. Делает их другими. Хуже или лучше – не мне судить. Мне все-таки кажется, что – лучше.

Самолет древний «Ан-24». Лучше бы, конечно, на «Як-42», но... «Ан-24» тоже летает, пусть и не так шустро. И шумит посильнее – поршневой же, наверное. Зато – полтора часа, как в автобусе, – и ты уже... «Наш самолет совершил посадку в аэропорту столицы нашей Родины города-героя Москва! Пассажиров просим оставаться на своих местах до полной остановки...» – ну и так далее. Ностальгически-привычно и памятно. Летал, знаю.

В этот раз я еду *домой* – по месту прописки. Я – москвич! Хе-хе-хе... понаехал, ага!

Кстати, всегда замечал – самые что ни на есть истовые радетели запрета «понаезжать» в Нерезиновую – это именно те, кто в нее «понаехал». Как услышишь про «понаехавших», «всю Москву засравших», – так это с очень большой вероятностью говорит именно «понаехавший», только немного пораньше, чем следующая порция понаехавших. Как сказал мне один из коренных москвичей, предки которого понаехали в Москву сразу после революции: «Нас, коренных, в Москве-то уже и не осталось! Мы в Мытищи переехали!»

Забросив вещи в квартиру, приняв душ (пока горячая вода есть!), я отправился в Союз писателей – к дражайшей Лидии Петровне, выжиге самого высшего разряда. Кстати, никакого неуважения в определении «выжига» в данном случае нет. Это как про нетрадиционные меньшинства – есть геи, а есть пи...сы. Геи – художники, балеруны, певцы. И они могут быть вполне приличными, умными людьми. А есть пи...сы – они могут не быть геями, но они настоящие пи...ы, с которыми нельзя иметь дела и которых надо просто искоренять всеми доступными нормальными человеку способами.

Так вот, Лидия Петровна занималась вроде бы и нехорошими делами – брала взятки, посредничала, получая за это деньги, устраивала не совсем законные, но и не особо переходящие черту закона делишки. Например – маклерство-вала, сводя покупателей и продавцов государственных квартир, что суть дело абсолютно незаконное, но практически ненаказуемое и недоказуемое. Это делали многие, и я не

помню, чтобы за маклерство кого-то посадили. Нет, не берусь утверждать, что такого не было, наверное, кого-то все-таки прихватывали за незаконную предпринимательскую деятельность, или, как она называлась, – «нетрудовые доходы». Но я таких случаев не помню, а ведь у меня теперь благодаря моей Зинаиде, врачу-психиатру с мировым именем, абсолютная память, к которой я обращаюсь, будто делаю запрос в интернет. Память моя исправно выдает на-гора все, что я видел или читал в своей жизни.

Вообще-то я не один такой уникам – людей с абсолютной памятью по миру не так уж и мало, но вся суть в том, что я с рождения такой уникальной памятью не обладал, до тех пор, пока не провалился в прошлое (или в иной мир?!). И пока Зина не провела надо мной эксперименты, вводя меня в гипнотический транс и раскрепощая мозг медицинскими препаратами. Ее методика воздействия на мозг пациентов признана во всем мире, и, на минуточку, моя Зиночка не просто «Зиночка», а профессор, доктор медицины.

Но речь не о Зине, а о Лидии Петровне. Так вот, Лидию Петровну я уважаю. И даже очень. Да, она берет взятки. Но берет их не за то, чтобы тебе не нагадить, как чиновники в 2018 году, а за настоящую работу – за помощь, за услуги. Понадобилась мне прописка в Москве – она мне сделала не только прописку, но еще и устроила так, чтобы я теперь жил в полноценной однокомнатной «сталинке» возле станции метро «Динамо», там, откуда я только что вышел, оста-

вив свой чемодан.

Такой человек всегда нужен. Это *нужный* человек. К кому обратиться, если тебе что-то понадобилось? Например, как мне – бригада рабочих для ремонта квартиры!

Я собираюсь вычистить квартиру до голых стен, отциклевать паркет, покрыть его лаком, сменить газовую плиту, сантехнику, ну и все такое прочее. А потом завезти новую мебель – вместо старой, драной, черт знает какого года выпуска. Тут будет жить мой ребенок – и ему нужны чистота и порядок! А потом построят кооперативную квартиру, и мы с Зиной туда переедем. Кстати – и там понадобится ремонт и все, что положено.

Да, надо еще и про кооператив Лидию Петровну спросить – как там идут дела? Когда вносить деньги, когда начнут строить?

Незаменима Лидия Петровна. Вот что бы я делал, если бы ее не было? К кому бы кинулся за помощью? Нет уж, такие «лидиипетровны» всегда нужны и всегда важны. Забавно, а ведь во времена интернета она, наверное, никому была бы и не нужна. Зачем «лидиипетровны», когда можно открыть сеть и найти там все, что человеку нужно? Человек эпохи интернета и представить себе не может – как это так может быть, что нельзя найти и купить то, что тебе нужно? Открыл поисковик – и вот перед тобой сотни тысяч и миллионы откликов на твой запрос: «Где я могу купить?» Но сейчас 1971 год, и без Лидии Петровны – никуда!

– Мишенька! Ох, как я рада! – Лидия Петровна поднялась из-за стола мне навстречу, и я невольно едва не отшатнулся – показалось, что сейчас она заключит меня в свои могучие объятия, положит на козлы из своих монументальных грудей. Так-то я это переживу, но потом весь день вонять женскими духами, коих Лидия Петровна льет на себя немерено, заглушая запах свежего пота, – это для меня запредельно. Целый день вонять Лидией Петровной! Фу!

Но нет, слава богу, на шею мне не бросилась, хотя искренне была рада нашей новой встрече. Я ведь не так просто к ней хожу, обязательно денежку приношу! А Лидия Петровна очень любит денежки...

– Мишенька, вы вовремя! Я уже и документы на вас оформила! Все в порядке – будет вам пятикомнатная квартира! На Ленинском проспекте, в профессорском доме! Стоит она, конечно, немало, но... вам по карману! Уверена – по карману! Вы такой известный, такой тиражный писатель – вам все завидуют! Председатель – знаете, как хорошо про вас говорил?

– Как? – вздохнул я, который терпеть не может книги председателя СП Федина и его самого тоже не очень-то долюбивает. Я вообще алкоголиков не люблю, а когда алкоголик служит власти, а при этом еще и устраивает себе страдания по поводу этого служения, «типа я, интеллигент, продаю душу дьяволу!» – не люблю таких людей вдвойне.

Впрочем – мне с ним детей не крестить. Он живет где-то

в своем мире, я – в своем. И мы совершенно не пересекаемся. Его книгами заполнены все магазины Советского Союза, моих книг там не найти. Они продаются с ходу, можно сказать, с машины, и на полки книжных магазинов не попадают. Дефицит!

Эх, если бы я был председателем Союза писателей СССР! Хмм... и что бы я тогда сделал? Правда – а что? Вопросец, однако... Поймал я сам себя! Круто так поймал, как рыбак здорового сома!

Только вот ответ до безобразия прост и циничен: ничего бы не сделал. Вообще ничего. Союз писателей суть отдел пропаганды советского образа жизни и, пока власть не сменится, будет продолжать работать на эту власть. А потом на новую – пока новая не решит, что книги никому не нужны, а важнее всего искусство кино.

«Не ложьте сюда ваши книги, они никому не нужны!» – объявление в одном подъезде, в том мире, из которого я пришел.

– Вам нужно подписать вот тут, вот тут и тут! – Лидия Петровна таки лучилась добротой, и ей явно нравилась ее работа. Нет, не работа председателя профкома – работа посредника, устраивающего делишки не столь расторопных граждан.

– Вот теперь хорошо! Вот вам квитанция, оплатите – не менее тридцати процентов от суммы – и принесете мне! Или можете послать по почте – разницы никакой.

Я получил квитанцию для оплаты в сберкассе и потом sunul зарумянившейся Лидии Петровне сто рублей в кармашек на ее платье:

– Это вам на конфеты, уважаемая Лидия Петровна! Спасибо вам за все! Что бы я без вас делал?! И все мы!

Зарделась, ага. Довольна – аж светится. И деньгами довольна (в основном деньгами), и добрым словом. А доброе слово, как известно, и кошке приятно.

– У меня к вам просьба, Лидия Петровна! – начал я, и женщина тут же насторожилась. (Деньги! Деньги идут в руки!) – Мне нужна бригада строителей, добросовестных, умелых и таких, что быстро работают. Ремонт в квартире надо сделать. Моя... хмм... супруга беременна, и я не хочу, чтобы наш ребенок появился в квартире со старой тараканьей мебелью и грязными обоями.

– Поздравляю, Миша! – округлила глаза Лидия Петровна. – Это же просто замечательно! Дети – это наше все! Ради них и живем!

Минут пятнадцать после этого Лидия Петровна рассказывала мне про сынка ее, Вадичку, который улетел, как пташка из гнезда, и не очень-то желает с ней общаться. По всему выходило, что сынок у нее абсолютный мудака, который берет у мамы деньги на свою сладкую жизнь и поносит мамашу грязными словами, мол, хапуга, только о деньгах думает, и вообще – неинтеллектуальная личность. Ага, так и сказал: «Мама, у тебя слишком низкий интеллектуальный уровень,

я не могу с тобой разговаривать!» Сука – деньги у неинтеллектуальной мамыши ему брать не запахло, а вот общаться с ней, кроме как «по делу», – это никак не можно!

Мне даже обидно стало за Лидию Петровну и захотелось дать в морду этому мажорчику. Но надо было переводить разговор на нужные рельсы – время-то идет! Мне до начала июня нужно сделать ремонт, до отъезда в США, а времени осталось не так уж и много, всего две недели.

Я вкратце описал Лидии Петровне ситуацию, и она тут же «уселась» на телефон, предложив мне посидеть и подождать. Ну, я и сидел, слушал переговоры, состоящие из намеков и всяческих иносказаний. А закончилось все бумажкой, на которой хозяйка кабинета написала мне телефон и адрес:

– Вот, Миша! Это начальник строительной организации. Вы едете к нему и откровенно говорите, что вам нужно. И договариваетесь с ним. Мне ничего не нужно – я делаю это все только потому, что вы хороший человек и меня понимаете. Так что поезжайте прямо сейчас, и все будет хорошо!

Ну я и поехал. На край Москвы, к незаметному стройуправлению, перекрывающему зданием и бетонным забором доступ к огромной территории, на которой выстроилась строительная техника в различной степени разобранности – от ржавых остовов монстроидальных тракторов до новеньких «Беларусей»-экскаваторов, блестящих свеженькой, еще не битой солнцем и ветрами краской.

Обычная контора – пыльная, с вытертым линолеумом и

бегающими по коридору женщинами с бумагами в руках. И с работягами, сидящими на скамейке возле входа под отцветшей яблоней, смолившими свои вонючие сигарки под красной надписью на стене: «Место для курения».

Меня проводили взглядами пролетариев, штурмующих Зимний дворец (Разоделся, пижон! Джинсы натянул, ишь!), и я поднялся на второй этаж по скрипучей лестнице, вытертой сотнями и сотнями ног до такой степени, что в деревянных толстенных ступенях образовались «впуклости», наводящие на мысль об уходящих годах. Сколько лет надо было ходить по этим ступеням, чтобы они ТАК вытерлись? А еще – скользнула мысль о том, что сапожник очень уж часто без сапог, – что, стройуправление не может себе построить большое, качественное здание?

Впрочем – это не мое дело. Считает руководство СМУ, что тут ему удобнее, – почему я должен считать по-другому?

Директор СМУ Нарышкин Сергей Никифорович сидел у себя в кабинете и яростно ругался, крича в трубку телефона и перемежая цензурные слова абсолютно нецензурной, строительно-солдатской бранью. Давно заметил, самые яростные ругатели – это строители и военные. У меня всегда было ощущение, что без мата невозможно ни дом построить, ни солдат чему-либо научить. Ни рабочие на стройке, ни рядовые и сержанты не воспринимают ничего на слух, если не сопроводить это особо крепким словом. А лучше всего – и словом, и пендалем. Как там говорилось в пародии на ре-

кламный ролик Банка «Империал»? *«И была стройка, и был обед, и была водка. И шел прораб, и поднимал он их, и вспоминал он их имена!»*

Я подождал, когда фонтан красноречия иссякнет, и только когда седоватый краснорожий мужик, отдуваясь, откинулся в своем кресле, – рискнул подать голос:

– Здравствуйте! Я от Лидии Петровны!

Мужик вначале вскинул брови, мол – какая Лидия Петровна?! Видимо, он весь был в делах и едва замечал перед собой неизвестного пришельца, но потом его лицо разгладилось и даже расплылось в улыбке:

– Здравствуйте! Как же, как же... звонила мне Лидочка!

Это вы хотели ремонт сделать в квартире?

– Я!

– Отлично! У меня есть бригада отделочников, просто молодцы!

Он понизил голос и, глянув на дверь, сказал:

– Мы проведем ремонт по госрасценкам, поставим, к примеру, оклейку обоев. А остальное – по договоренности с бригадиром. Устроит так?

– Ну... да! – кивнул я, и хозяин кабинета снял трубку:

– Катя, давай сюда Марину! Покричи в матюгальник!

И тут же положил трубку и обратился ко мне:

– Щас все будет. Лидочка сказала, вы умеете быть благодарным, так что...

– Не обижу, – важно кивнул я и уселся на один из стульев,

стоявших вдоль стены кабинета под вымпелами победителей соцсоревнования и портретами вождей.

Марина оказалась как раз тем самым бригадиром, которого мне и предлагал директор Нарышкин. Женщина лет тридцати пяти, одетая в аккуратную рабочую робу, миловидная, крепкая, как спортсменка. Не толстая, а именно крепкая – шустрая, налитая природной силой и несокрушимым здоровьем. На меня она не обратила ровно никакого внимания.

– Чего, Никифорыч? Когда на объект? Простаиваем! Кто семьи наши кормить будет?! Ты, что ли? Полдня уже сидим!

– Тихо! – директор досадливо поморщился. – Вот никакого у тебя нет понятия, как себя вести с начальством! Другие-то постучат, тихонько войдут, попросят... а ты: Ааа! Аааа! Аааа! Вот что ты за вздорная такая баба, Маринка?! И чего я тебя держу, вот скажи мне? Чего терплю-то?!

– А то ты меня держишь, что моя бригада работает лучше всех! И не бухает при этом! – усмехнулась женщина. – И потому ты будешь вопить, плевать, но меня все равно не выгонишь. Во-первых, не за что. Во-вторых, будешь выступать – я и сама уйду, и со мной бригада уйдет! И кто потеряет на этом – догадайся!

– Ладно, ладно – ша! Все сказали! – поморщился Нарышкин. – Слухай сюда! Вот человек (он показал на меня, и Марина оглянулась, окинув меня взглядом снизу доверху). Ему надо сделать ремонт в квартире. Сейчас пойдешь в прорабскую, сядешь с ним за стол, посчитаешь! Да знаю, знаю – по-

ка не увидишь, точную цену не скажешь! Но примерные-то объемы можешь посчитать! И вот что – документы сделай на поклейку обоев. Остальное – отдельно. Поняла? Все поняла?

– Поняла! – Марина кивнула, повернулась ко мне: – Пойдемте за мной.

Когда мы вышли в коридор, спросила:

– Вас как звать? – (Я ответил.) – Михаил? Я где-то вас видела! Где вот... не помню. Вы где работаете? Не киноактер?

– Я писатель. Фантаст.

– Писатель? – Марина удивилась, брови ее поднялись. – А что написали?

– А вы читаете фантастику? – пришел черед удивляться мне.

– А почему нет?! – Марина, похоже, слегка обиделась. – Я что, похожа на тупую клушу? Которая читает только вывески?

– Нет, но... стройка и все такое прочее. Все такое... приземленное, кажется, что тут нет места фантастике. А я написал несколько книжек про Найденыша, Неда. Карпов моя фамилия.

– Карпов! Ух ты... – Марина вытаращила глаза и недоверчиво помотала головой. – Тот самый Карпов?! Да у меня все ваши книжки есть! В профкоме выдрала, чуть глотку за них не порвала! Вы обязательно должны мне расписаться на ваших книгах, раз попались мне в сети! Хи-хи-хи...

Обсуждали мы недолго, сошлись на том, что сидеть сейчас

и рассуждать о том, что нужно сделать в квартире, – просто глупость, и надо видеть фронт работ. Я дал адрес, договорились, что Марина подъедет ко мне завтра к десяти утра, на том и расстались. А я потащился домой – вначале на автобусе до станции метро, а потом уже до «Динамо». От станции до квартиры пять минут ходу – великое счастье, при практически полном отсутствии такого транспорта, как маршрутное такси. Это в 2018-м стоит выйти на остановку общественного транспорта, и тут тебе сразу десяток маршруток на выбор, а в 1971-м ты можешь полчаса стоять и дожидаться вонючего, исторгающего клубы синего дыма «лунохода», как его называют «аборигены». А потом ехать в нем, прижатый к спине дебелий мадам, вдыхая запах пота вперемешку с запахом «Красной Москвы». В жару это удовольствие особенно не доставляет ни малейшей радости.

Дошел. И с облегчением растянулся на диване, вытянув ноги и глядя в требующий покраски потолок. В квартире неумовимо пахло... не знаю, чем пахнет, но замечал – такой запах в тех квартирах, где живут старики. «Старушечий» запах. Из чего он состоит – не знаю. Керосин? Нафталин? Старые сладкие духи? Земляничное мыло? Хлорка для туалета? Старые газеты? Все вместе и все сразу. И запах этот впитывается в стены, в пол, в потолок, в мебель. Даже в одежду, и в ту впитывается. Потому, чтобы от него избавиться, нужны радикальные меры – выдрать все до голого бетона, до голых кирпичей! Ну кроме паркета, конечно. Его просто отцикле-

вать.

Об этом я и сказал на следующее утро Марине, приехавшей ровно без пяти минут десять, чем меня немало удивила. Я ожидал, что она опоздает как минимум на полчаса, а то и часа на полтора. Во-первых, женщина. Во-вторых, строитель, работяга. А работяги-строители всегда отличались своеобразным пониманием дисциплины и обязательности: «Я же приехал! Опоздал на час, ну и что?! Проблемы были!» Их никогда не интересовали твои проблемы, твое убитое время – свои-то проблемы ближе к телу!

Вообще, я ненавижу необязательность и никогда не опаздываю. Когда говорят о том, что какие-то обстоятельства помешали человеку прийти вовремя, всегда вспоминаю о том, что писал Экзюпери в своем романе «Ночной полет». Там он описывал свою жизнь, свою работу – когда он, летчик, возил через пустыню Сахару почтовые отправления. Так вот: за опоздания летчиков нещадно штрафовали, не принимая во внимание ни встречный ветер, который затормозил самолет, ни неполадки, вдруг возникшие в движке (тяга упала). И что интересно – опозданий не было! Не-бы-ло!

Откуда в русском народе взялась эта необязательность, этот «пофуизм»? Мне кажется – это чистой воды азиатчина. Восток, как сказал товарищ Сухов, – дело тонкое. На Востоке никуда не торопятся, не спешат выполнять свои обещания. Чтобы добиться выполнения договоренностей с восточным человеком, нужно заставить его поклясться на Коране.

Аллаха они боятся, наказаний за неисполнение подписанных договоров – нет.

В Афганистане на это дело насмотрелся. Если ты сидишь с афганцем, пьешь чай, ешь и договариваешься на завтра на десять утра куда-то вместе поехать, жмешь руку, уверенный, что все будет так, как вы договорились, – жестоко ошибаешься. Вы ни о чем не договорились. Ни о том, что он придет к тебе в десять утра, ни о том, что вы вообще куда-то поедете. Просто человек ты хороший, отказать тебе как-то нехорошо – опять же, чай вместе пили! А вот выполнять договоренности никто не собирается. Иншалла!

Марина совсем не походила на вчерашнюю бой-бабу в рабочем комбинезоне: Джинсы, обтягивающие круглую попу, рубашка с лейблами, импортные (вроде как чешские) кроссовки – попробуй разгляди в ней работягу! Видимо, хорошо зарабатывает.

В том, что она хорошо зарабатывает, я убедился уже через полчаса, когда мы посчитали примерный объем работ и Марина назвала цену. Хорошая цена! Для нее. А обычный клиент небось взвыл бы от таких цифр. Известно, что стоимость отделочных работ составляет не менее тридцати процентов от стоимости помещения, которое отделывают. И это без всяких изысков.

Торговаться я не стал, деньги есть, мне главное – качество. О чем я и сообщил Марине. А еще – мне важны сроки. Если они не уложатся в десять дней – сумма уменьшается на

двадцать процентов.

Само собой, Марина была недовольна таким обстоятельством, но, судя по тому, как достаточно легко пошла на сделку, – накрутила она мне цену своих услуг по верхнему пределу. Небось ждала, что я буду торговаться. Но я не стал. Договорились, что плитку, сантехнику и все остальное я куплю сам, без их помощи, – написала мне, какие объемы плитки мне будут нужны, а что касается стройматериалов вроде краски, лака и всякого такого – это она возьмет на складе стройуправления. На что ей нужны наличные деньги.

Я без возражений выдал Марине тысячу рублей, и мы расстались, довольные друг другом. Пока что меня все устраивало. Бригада приедет завтра, к обеду – привезет стройматериалы и начнет работу.

Не откладывая дела в долгий ящик (сам же подгонял Марину!), рванул в магазин «Березка», собрав все свои валютные ресурсы. В виде сертификатов «Внешторгбанка», конечно. Кстати сказать, нужно будет еще в издательство заехать, подписать бумаги на получение сертификатов, вырученных на валюту от продажи моих книг в «братских странах», как сейчас называют всякие польши и чехословакии с германиями. Кусок должен получиться очень даже приличный! Другое дело, что и потратить-то особенно не на что. Если только дом построить? Где-нибудь в Ялте? Или в Сочи.

Впрочем – Сочи с его гнилыми болотами я не люблю. Жил там некоторое время. Помню, утром встаешь, а на твоей ма-

шине слой воды толщиной чуть не в палец – стекает с нее ручьями. Нездоровый климат, болота. Когда-то сюда ссылали декабристов – на каторгу. Жара, кровососы и безумная влажность быстро научили декабристов уму-разуму, только было уже поздно. Померли. И да – лучше Сибирь, чем вонючие болота в тропической жаре. И вот, поди ж ты – курорт! Кто там устроил курорт – ему надо палкой по башке наступать. Даже посмертно.

В уже знакомой «Березке» на Сиреневом бульваре меня встретили как дорогого гостя. Даже сам удивился! Тот же самый милиционер, что встретил меня в первый раз и потребовал показать сертификаты, – сейчас ничего не потребовал, а только встал из-за стола, когда меня узнал, и почтительно поздоровался. А я пожал ему руку.

Продавщицы улыбались, а та, что заведовала в том числе и отделом книг, – подбежала и заговорщицким шепотом попросила оставить автограф и на других моих книгах, что сейчас имелись на полках магазина. В прошлый раз книги с автографами (с ее слов!) разлетелись как горячие пирожки. И откуда только узнали, что в магазине есть книги с автографами автора! Половина Москвы прибежала купить эти книги! (опять же – со слов продавщицы).

Я не отказался, только попросил отсрочку, пока не куплю то, что мне нужно. И когда заведующая магазином узнала, что мне нужно (она тоже подошла, ей уже кто-то сообщил), повела меня в святая святых – на склад. В той же «Березке»

кроме дефицита был и супердефицит! Так всегда бывало – самое лучшее под прилавок, для своих. Система, однако. Казалось бы – чего в «Березке»-то прятать? Тут и так все то, что недоступно простому советскому гражданину! Так нет же – и тут «все животные равны, но некоторые – равнее».

На полках – турецкая плитка. Хорошая, да! Но итальянская-то лучше. На полках – чешский сантехнический фаянс. Но немецкий-то лучше! Пусть и немного дороже, но...

В общем – закупился я по полной! Еще и лака прикупил импортного на паркет – после циклевки положат, и не в один слой.

Вообще-то я терпеть не могу ходить по магазинам, покупать какую-то плитку и все такое прочее – у меня этим всегда занималась жена, я только лишь платил и доставлял – и жену, и стройматериалы. Но тут... странное дело – у меня проснулся какой-то даже азарт! Ни у кого нет – у меня есть! Не просто дефицит, а супердефицит!

Организовали и доставку – у магазина имелся свой транспорт – два тентованных бортовых «уазика». Один для перевозки моих строительных сокровищ и подрядили. Оформили официально, плюс я сунул водиле пять рублей сертификатами и четырем грузчикам – тоже по пять.

Пока грузили барахло, я сидел и подписывал книжки, до того наподписывался – аж в глазах зарябило! Ох, никак не привыкну к тому, что надо писать рукой! Отвык. Совсем отвык с этими чертовыми компьютерами! Оставшимися в 2018

году... увы.

Впрочем, я и здесь пишу не руками, а на машинке, на импортной электрической машинке. Она осталась у Зины, но я не стал жадничать и прикупил новую – тут же, в «Березке». Деньги есть, так чего жаться? Тем более что стоит она здесь в три раза дешевле, чем если бы покупал ее в обычном магазине.

Мебель – кухонную и комнатную, всякие там гарнитуры – это после того, как сделают ремонт. Глупо завозить все это барахло, чтобы рабочие потом таскали его из угла в угол.

Я уселся в кабину – показывать дорогу, грузчики – в кузов, и мы поехали ко мне на квартиру. Подъехали уже к вечеру, когда на скамейке возле дома, как стая ворон, расселись старушки, проживающие в этом же подъезде. Я поздоровался, мне вразнобой ответили и с любопытством воззрились на кузов «уазика», из которого начали выпрыгивать дюжие грузчики.

Кстати, в «Березке» и грузчики были другими. Дефицитными, как и все, что находилось под крышей этого магазина. Дюжие мужики в чистых комбинезонах, от которых ничуть не пахло ни перегаром, ни свежим алкогольным испарением. Чтобы от грузчика не пахло бормотухой? Да это нонсенс! Фантастика!

– Ремонт будете делать? – сладким голосом осведомилась одна из старушек, пошептавшись с товарками. Я как раз спустился из квартиры, проследить, осталось ли что-то в кузове.

ве машины. Я так-то людям доверяю, но не надо ставить их в такие условия, когда они волей-неволей будут поставлены перед выбором – попереть плохо лежащее или пусть совесть будет чиста.

– Ремонт буду делать! – сумрачно ответил я и едва не добавил: «А с какой целью спрашиваете?» Не стоит портить отношения с этими мегерами. Они могут быть как и хорошими помощниками, так и яростными врагами. Все зависит от того, как поставишь себя перед ними.

– Жалко Капу! – сделала горестную физиономию старуха. – Конечно, женщина была карахтерная, на хромой козе к ней не подъедешь – поетесса! Но все равно – жалко. А вы кем ей приходитесь?

– Племянник. Внучатый! – так же спокойно ответил я и, пожав плечами, добавил: – Все вопросы? Или еще есть?

– А вы женатый? – не унималась старушка. – А то у меня племянница – хороша девушка! И не балованная – сама из-под Рязани. Хозяйка – замечательная! Ейный муж прошлой зимой утоп, напился и через реку пошел. Вот потом весной-то и всплыл. А баба хороша!

– Хороша, хороша баба! – подхватили остальные сводницы, и мне вдруг стало смешно – вот же чертовки! Это они свою вдовушку пристраивают! А я-то... чуть в шпионки их не записал. Да, не все такие, как бабки из Зининого дома – бывшие жены ответственных работников. Эти точно попроще и почеловечнее, наверное.

– Мне жаль, но я женат! – почти не покривил я душой. – Жена сейчас... далеко, она беременна. Ребенок у нас будет. Вот отремонтирую квартиру и привезу.

– А сколь ей годков? Молодая небось? – это первая старушка, глаза которой поблескивали от любопытства. – Шасто все мужики стараются на молоденьких жаницца! Да што-ба в два раза моложе!

Кстати, так и не пойму ее говора, – точно откуда-то приехала. С Севера? Из Архангельска? Забавный такой говор. Хотя... там же «окают», а тут «акает». Но то, что приехала, а не коренная москвичка – рупь за сто.

– Пятьдесят лет – легко ответил я, не думая о последствиях. И они последовали.

– Пятьдесят?! Ой-ей! Охо-хонюшки! Да как же она рожать-то будет! В таком-та возрасти?!

Я пожелал всем охающим бабулькам здоровья и пошел за последним ящиком с плиткой,двигающимся ко входу в подъезд на руках могучих непьющих грузчиков. Уже наверху, в квартире, я осмотрел штабель из драгоценных ящиков и вручил старшему грузчику десять рублей – на всех. Премиальные, так сказать. Тот спокойно и достойно сказал: «Спасибо!», и мы распрощались, довольные друг другом. Они не побили ящики, а я оказался совсем не жадным клиентом. Всегда хорошо, когда люди довольны друг другом и не держат за пазухой камень. У меня есть деньги – так почему не дать заработать другим? От меня не убудет!

За всей суетой забыл купить чего-нибудь на ужин. Вспомнил уже тогда, когда за окном стало темно и в домах загорелись окна. Идти куда-то ужасно не хотелось, да и куда? Круглосуточных магазинов здесь нет, все гастрономы и просто продуктовые магазины позакрывались – и что делать? Это социализм, деточка, тут отработал свое время – и трава не расти! А если хочешь, чтобы человек работал дольше своего рабочего времени – плати в два раза! Двойной тариф! И будет тебе счастье.

В ресторан пойти? В принципе, можно... вот только тащиться куда-то душа не лежит. Хотя... до станции метро – пять минут хорошего ходу. Потом в центр, и уж, наверное, где-нибудь в «Праге» или «Арагви» приютят и накормят голодного писателя! Все-таки надо было позаботиться заранее – вот купил бы в «Березке» палку колбасы да каких-нибудь консервированных болгарских перцев – и не надо было бы тащиться в ночь-полночь, чтобы съесть котлетку с картошкой пюре!

При мыслях о картошке и котлетке у меня началось такое бурное слюноотделение, что я все-таки не выдержал, натянул ботинки и решительно шагнул к двери, подцепив по дороге свою шикарную джинсовую куртку. Ночью в мае все-таки еще холодновато, а я придерживаюсь той истины, что лучше вспотеть, чем замерзнуть.

До метро дошел быстро, даже слегка разогрелся. Спустился, вошел в подошедший поезд и уселся в уголке, глядя в

темное стекло на противоположной стороне вагона.

Грустно как-то. Честно сказать, настроение не очень хорошее. Один, в чужом – пока чужом! – городе, голодный, усталый, а впереди неизвестность. Нет, не сейчас неизвестность – сейчас я закажу вкусной еды. И попрошу еще и с собой упаковать – на завтрак. Чего стесняться? Деньги-то есть. Тут за десятку можно поесть от пуза, это тебе не 2018 год. И качество совсем другое. Здесь за обман клиентов сажают. ГОСТ, однако. Одно из достоинств советского времени – если уж что-то производят, то отступление от ГОСТа считается преступлением. Чем-то напоминает Белоруссию моего времени, когда белорусский Батька дрючит производителей так, что они и помыслить боятся сделать заведомую каку. Не то что российские производители колбасы из сисек-писек.

Ну да, я слегка идеализирую и советское время, и Батькину деятельность, но по большей части все так и есть. Я, когда деньги имелись, с пенсии покупал нам домой белорусской колбасы – сыровяленной или сырокопченой. Дорогая, сволочь, но ее хоть ешь и радуешься! Со свежим лавашом из пекарни на конечной остановке автобусов, наделать бутербродиков, и... ммм!

Опять слюни потекли. М-да! Проголодался, как молодой! Когда тебе за сорок, ты уже не так остро чувствуешь голод. Это в юности, когда идешь с рыбалки и в садке десятков окуньков и плотвичек, – ты готов сожрать целого быка. Внутри у тебя все трясется от голода, и ноги сами собой уско-

ряются, пока не переходят на бег – домой! Скорее! Жрать! Жрать!

А когда ты взрослый мужик, выдавший виды и побитый жизнью, все уже не так ярко и радикально. Ну да – хочется поесть. Но можно и потерпеть – час, два, три... пять часов. Потом сел, аккуратно, контролируя каждую съеденную калорию (растолстеешь же!), поел и тут же захотел спать. Прикорнуть после обеда – святое дело! И ученые советуют – раздельный сон! Разбиваешь свой сон на часы – шесть часов ночью, пару часов днем – после обеда и вечером, и это полезнее для организма, чем единый ночной восьмичасовой сон. Хорошая теория! И кто мы, чтобы протестовать против выводов умных ученых? Спать!

Мне кажется, что ближе к пятидесяти процессы в организме затормаживаются. Потому и не чувствуется такого сильного голода. Это у молодого организма все обновляется, растет, бурно и яростно – как трава после хорошего дождя на солнечной грядке. А мы, пятидесятилетние, уже тихонько увядаем. Мы застыли в безвременье и ждем, когда же начнем спускаться вниз. Мы еще сильны, реакция – быстрее, чем у многих молодых, но организм ЗНАЕТ, что это вершина и дальше нам только вниз.

Упадочные мысли, я знаю. Я же говорю – депрессуха, упадок настроения и всякое такое. И, кстати сказать, мне ли депрессовать? Сколько людей в мире обижены судьбой! Инвалиды, умирающие раковые больные, нищие, которые копа-

ются в помойках в надежде найти пропитание. А я – успешный писатель, можно сказать, по советским меркам – богатый человек! Который едет в ресторан, чтобы поужинать. И какого черта я ною?!

И что касается организма – моего организма, – с ним происходит странная вещь. Я молодею. Я на самом деле молодею! У меня почернели практически седые волосы (я сесть начал уже с тридцати лет). Мой организм работает так, как работал в лучшие мои годы, на пике формы – лет в двадцать пять или тридцать. Я сбросил лишний вес, и меня теперь можно было бы выставить рекламой какого-нибудь тренажерного зала – мышцы, мышцы, мышцы! И даже старые раны перестали ныть перед дождем! Я ведь метеозависимый человек – как перемена погоды, так, черт подери, – начинается! Голова, много раз ушибленная, болит, раны, переломы ноют. Хоть напивайся, чтобы ничего не болело!

Кто-то сказал: *«Если ты после пятидесяти просыпаешься и у тебя ничего не болит – значит, ты умер»*. У меня это началось гораздо раньше, я еще и до пятидесяти дожить не успел. Жизнь у меня была такая... бурная! Слишком бурная для одного человека.

Вышел из метро в центре, на Арбате. Куда пойти? В «Прагу»? Или в «Арагви»? А может, в ресторан «Арбат»? Его не так давно открыли, и у него очень большой зал. Типа рекорд такой – две тысячи мест. А что, наверное, в него и пойду. Уж точно место найдется! А то придешь, а в ресторане-то и

мест нет. Советские граждане же такие бедные... в ресторан хрен попадешь! Это как в 2018 году – все плачут, что совсем обнищали, денег нет. Но, однако, на улицах хрен протолкнешься от машин, а все кафе и рестораны забиты посетителями. Это вот как так? Для меня лично – загадка.

Или как с врачами дело обстоит – очень низкие оклады, врачи все время стенают, рассказывая, как трудно живется с такими окладами. Но, однако, ездят на приличных иномарках и как минимум раз в год ездят на заграничный курорт. Да не один раз в год. Как умудряются так экономить, чтобы купить новую квартиру? Я вот на свою пенсию в двадцать тысяч едва-едва концы с концами свожу. А тут – чудесники экономии на двенадцать тысяч оклада!

Много в жизни загадок, точно. Простым умом не разгадать! Шибко надо подумать, чтобы догадаться!

Да, зал впечатлял! Это какое-то футбольное поле, а не зал! И обслуживают неплохо. Без хамства и подобострастия – тут же метрдотель провел меня к свободному столику, официант мгновенно подал меню, я посидел, читая перечень блюд и усмехаясь ценам. Уж больно странно выглядели цены в советских рублях. Борщ – рубль. Бифштекс с яйцом – рубль пятнадцать копеек. И это в ресторане высшего разряда! Смешно, правда.

– Скажите, а виски у вас есть? – внезапно спросил у официантки, подошедшей принять заказ.

– Виски? – слегка удивилась она. – Есть, вот, в меню. Вам

какой?

Я сам не знал – почему заказал виски. Я же не пью уже давно, и тут вдруг... накопилось, что ли. Усталость, нервная перегрузка... От ста граммов виски ничего не будет, что для меня – сто граммов? А нервы успокоятся. Как лекарство.

Борщ, два бифштекса с картошкой пюре, салатик из свежей капусты (ну люблю я его, чего уж!). Два чая с лимоном – зеленый чай! Только зеленый! Пару бутербродов с осетриной и пару с черной икрой – виски-то надо закусить? С собой – пирожки с капустой, с мясом, с яблоками, бутерброды с колбасой (вот чего я в «Березке» колбасы не купил, болван!), ромовых бабок пять штук. (Люблю! Чтобы сочные!) Ну и хватит. Завтра чего-нибудь в магазине накуплю, благо, что это Москва, и купить тут есть чего. Не Саратов же.

Залпом выпил виски, закусил бутербродом с черной икрой. Надо признать – хорошо пошло! Как огонь в желудок пролился. Потеплело, и настроение чуть-чуть улучшилось. Вроде как стало отпускать. Хорошо!

– Мужчина, извините, вам компания не нужна?

Выныриваю из теплого тумана безмыслия и неги, вижу рядом со столиком двух девиц – микроплатья, сетчатые чулки, боевой раскрас – это не девки, а пародия на проституток! Ну надо же так глупо и вульгарно себя раскрашивать! На кого расчет? На «гостей из солнечного Азербайджана»? Ну так и идите к ним, кошелки!

– Нет. Отвалите!

– Грубиян! Хам! – хором, потом топот каблучков.

Сижу раздумываю – а может, еще сто граммов виски? Ну а чего такого? Мне как слону дробина! Что случится, если я выпью двести граммов? На Новый год с Зиной бокал шампанского пил – ничего не случилось! А сейчас чего? Будто заклятие на меня наложили: выпьешь – и беда случится! Глупости это все!

Подзываю официанта, заказываю еще сто граммов. Как раз приносят борщ, и я начинаю наслаждаться горячим, остро пахнущим перцем хлебовом. Люблю борщ! Красный, свекольный, сладкий, из свежей капусты! И чтобы посредине чашки – пятно белой сладкой сметаны. Разве что-то сравнится с борщом?! Если только домашние пельмени...

Под борщ – еще сто граммов виски. Под горячее – дело святое! Водка противна, а вот виски неплохо идет. Есть в нем что-то такое... природное. Деревом отдает, угольками. А водка – просто разбавленный спирт! Коньяк тоже не люблю – сладкий какой-то, неприятный. Вино – сухое или полусладкое – ничего идет, но мне надо его много выпить, чтобы в голове что-то было. Для меня оно как компот. Или квас.

Кстати, надо сказать официанту, чтобы с собой положили газировки. Ну или квасу – есть же у них квас. У меня в квартире даже чая нет. Или есть? Но даже если есть – это все от старушки осталось, что там за чай – непонятно. Опилки какие-нибудь...

Кстати, старушка шептала мне, чтобы я коробку прибрал,

что в крупах и сахаре спрятана. Хорошо, что вспомнил, – как домой приеду, надо посмотреть, что там за коробка. Бездешки ее, не иначе – сережки, кольца. Какая бы ни была пролетарская поэтесса, а все-таки женщина, и как любая женщина, вероятно, любила украшать себя всякой мишурой. Я этого не понимаю, но и не порицаю. Нравится – да ради бога! Носи! У Зины тоже полно всяких побрякушек, я даже не смотрел каких. Муж ей покупал. Говорила – очень дорогие есть побрякушки, и если нам, мол, туго придется – можно продать, и очень выгодно.

Из-за стола вышел тяжелый, объевшийся, как давно не жравший удав, проглотивший капибару. На чай оставил пятерку – вполне нормальные чаевые. Официант благодарил, и видно, что искренне. Кстати, все еще плаваю в здешних ценах. Норовлю оставить чаевые едва ли не как в своем времени. Интересно, как бы вытянулась физиономия официанта, если бы я оставил ему на чай пятьдесят или сто рублей? При обычной для этого времени зарплате в сто пятьдесят рублей в месяц.

Вообще, если разобраться, – цены в ресторане очень даже кусаются. Чтобы человеку с зарплатой в сто пятьдесят рублей поужинать в ресторане... это фантастика. Нет, поужинать-то можно, вот только потом как жить? Одеваться, обуваться и всякое такое? Ресторан не для простых советских граждан, коих в стране большинство, он для той прослойки, которая очень хорошо зарабатывает. Для номенклатуры, для

всяких артистов и музыкантов с певцами. Ну и для писателей – богатеньких, как я.

Дотащился до станции метро по пустынной, с редкими прохожими улице. Поздно уже. И не заметил, как время подкралось к полуночи. Вроде только что вошел в ресторан, и... почему-то там время летит быстро – пока ждешь заказа, пока съешь. В ресторане ешь не так, как где-нибудь в палатке под Хасавюртом – скорей, скорей, вдруг сейчас вызовут, останешься голодным! Ножом, из грубо вспоротой банки! Черствым хлебом в теплую, пахучую жижицу в банке! Разогреть нет времени, так, на холодную... В ресторане – смакуешь еду, наслаждаешься каждым кусочком. Ресторан – это спектакль кулинарии. Это театр еды. И спешка здесь неуместна. Опять же – «за что уплочено, должно быть проглочено!» – и ты втискиваешь в себя заказанное, даже если понимаешь, что можно было и бросить – хватит обжираться!

Переместился на Замоскворецкую линию, сел в вагон – почти пустой, кроме меня два человека. Уселся в угол, положил рядом пакет с моим завтрашним завтраком – обычных пакетов-маечек здесь нет, но есть фирменные картонные пакеты из ресторана, вполне себе удобные. Туда мне все и сложили, честно заслужив свои чаевые.

После обеда или ужина меня всегда тянет в сон – ну вот такая особенность организма! Хоть десять минут, да поспать! А тут еще и двести граммов виски... В голове мутное тепло... хорошо! Уютно, даже в вагоне метро! Ехать не так уж

далеко, но и не близко. Греха не будет, если десять минут придавлю храпака.

В общем, свою станцию я благополучно прое... хмм... пропустил. Очнулся, когда чья-то рука бесцеремонно ухватила меня за воротник и встряхнула – ощутимо ударив по скуле. Открывая глаза, на автомате я уцепил эту самую руку и, сжав у запястья, взял ее на излом, опуская противника к полу. И только тогда заметил, что держу на болевом приеме милиционера!

– Сука! Он мне чуть руку не сломал! Ах ты мразь! Пьянь е...я! Тварь!

Я отпустил руку мента, милиционер вскочил и потянул из-за пояса дубинку, но я тут же примирительно поднял руки вверх, как сдающийся фриц:

– Эй, эй, парни! Вы чего? Я думал, вор какой-то ко мне лезет! Извините, что так вышло! Искренне приношу свои извинения!

– Извинения он приносит... твою мать! – процедил мент, потирая руку. – Встал и пошел, пьянь! В пикет! Там разберемся, какие ты там приносишь извинения!

Мне очень не понравилось, что милиционер матерится, как портовый грузчик, но чего не бывает? Мало ли... я тоже не промах – могу так отmaterить, что уши в трубочку свернутся. В армии без этого нельзя, армия на мате держится и матом погоняет. Но... все-таки – милиционер же. Скромнее надо быть. Культурнее. Читал, что в семидесятые в менты

набрали много «лимиты» из глухих провинций (к двухтысячным они уже станут «коренными москвичами» и будут задирать нос: «Мы, москвичи!»).

Вели меня довольно-таки мирно, даже наручники не надели. Может, потому, что у них не было наручников? Не били. Только тот, что вел меня, держа под правую руку, ткнул один раз кулаком в спину – ощутимо, но не критично. Неприятно, конечно. Маститого писателя ведут как какого-то гопника!

Привели меня в «пикет», что прямо на станции. Название «пикета» я не разглядел, не успел – меня впихнули внутрь, и я чуть не упал, споткнувшись о стоявший у выхода стул.

– О! Это что еще за чудо? – слегка гнусаво спросил парень с лейтенантскими погонами, сидевший за столом в углу. Стол перед ним был грязен – крошки, надкусанные куски хлеба, шкурки от кусков колбасы. А еще – перед ним стояли стакан и пустая бутылка из-под водки.

«Черт, да он же в дупель пьяный!» – тут же проскочила в голове мысль, и все встало на свои места. Те менты, что меня задержали, тоже были нетрезвыми – неестественно блестящие глаза, речь, пересыпанная нецензурной бранью.

Я напрягся, ожидая самого худшего. А еще – у меня возникло чувство дежавю. Было! Уже было! Нет – будет. Позже, и не на этой станции. Но такова Система. Система, которую развил Щелоков.

Кое-кто говорит, что Щелоков ничего себе не брал, ничего особого из благ не имел и вообще был порядочным чело-

веком. Только вот откуда в милиции, которую он возглавлял 16 (!!!) лет, взялись повальная преступность, круговая порука, укрывательство преступлений сотрудников и полная безнаказанность?! Можно ничего себе не брать, но поставить дело так, что... лучше бы «брал». Но только чтобы подчиненные работали как положено, а не грабили людей, которых должны защищать! Поднимать престиж милиции фильмами, сериалами – это, конечно, замечательно. Только вот какой милиции? ЭТОЙ?! Престиж этого пьяного мента, который не стесняется в рабочее время пить водку и даже не скрывает своего поведения от чужих людей? Безнаказанность, вот как это называется. Абсолютная безнаказанность!

– Прошу сообщить мне причину задержания и предъявить ваше удостоверение.

Я постарался, чтобы голос мой был как можно более холоден – может, это проймет? Решат, что задержанный какая-то «шишка», и побоятся?

– Сообщаю! – радостно ухмыльнулся сопровождавший, тот, кого я уцепил за руку. – Ты находился в нетрезвом виде в общественном месте! А еще – напал на милиционера при исполнении! Удостоверение ему! Козел! Может, еще сберкнижку показать?

– Вы его обыскали? – лейтенант довольно осклабился. – А может, у него нож есть! Или вообще это какой-то шпион! Американский!

В углу комнаты захохотал сержант – такой же расхристан-

ный, в одной расстегнутой рубашке и с форменным галстуком, висящим только на заколке:

– Американский шпион! Ну ты даешь, Вась! Шпион! Обыск шпиону!

Меня обыскали – гогоча и матерясь, вытащили из внутреннего кармана бумажник. Лейтенант заглянул в него, присвистнул:

– Ух ты! Жирный клоп! Гля! Сотни две, не меньше! Не успел пропить, да? А чего в пакете? Ооо! Пирожки! И колбаска! Пацаны, обожаю пирожки!

Мой завтрашний завтрак вывалили на грязный стол, лейтенант запихал себе в рот пирожок и откусил. Потом открыл мою бутылку «Боржоми» и выдул сразу половину.

– Ааа... ништяк! У меня такой сушняк был! Ништяаак! Ну чо уставился, козел? Нельзя в нетрезвом виде в общественном месте! Штраф будет! Вот все твое лавэ на штраф и уйдет! Понял, козлина?

– Я не козлина. И я не понял, – медленно, с расстановкой ответил я.

На меня накатило. В висках стучало, глаза закрывала розовая пелена. После контузии у меня бывает. Но редко. Так ненавидеть – я давно никого не ненавидел. В последний раз это были «духи», которых я увидел на взятой у пленного пленке. Там нашим парням резали головы. И резал один из тех, кто был заснят на пленке.

Мы вырезали их всех. Ножами. Никого не оставили в жи-

вых. И договорились молчать. Но потом кто-то все-таки проболтался, видать, по пьянке, и нас таскали на допрос особысты. Но бесполезно – ничего не доказали. Иначе бы могли и срок навесить – пленные же, нельзя! А им – можно?!

– Чо ты не понял?! Чо не понял?! Объясни ему, Петруха!

Тут же последовал удар под дых. Я ожидал этого, успел сконцентрироваться и принял удар прессом. Мышцы заныли, но это лучше, чем если бы пришло по печени. По печени – это очень больно и опасно. Можно и умереть.

– Вы ответите! – вырвалось у меня, и глаза лейтенанта широко раскрылись, лицо исказилось, будто я сказал о нем какую-то гадость.

– Я отвечу?! Да ни х... я не отвечу! Козел ты душной! Щас договоришься, на рельсах потом найдут! Разрезанного поездом! И х... кто докажет! Не ты первый, не ты последний!

Лейтенант шагнул ко мне и нанес удар в пах. Вернее – хотел нанести его, но я поставил блок, ухватил его за ногу, с подшагом поднял ногу на сгибе локтя, вывел противника из равновесия, приподнял и со всего размаха воткнул шей в пол, почти вертикально. Даже добивать было не нужно – хрустнуло, и лейтенант остался лежать на полу, мелко подергиваясь в последних судорогах уходящей жизни. Шея его неестественно повернута, а мертвые глаза смотрят куда-то в сторону, в покрытую потеками и царапинами стену.

Тишина продержалась секунду. Абсолютно автоматически я шагнул к одному из своих конвоиров и одним движе-

нием свернул ему шею. Второго повалил ударом в переносицу. Третий бросился бежать к двери, но не успел – подножка, он падает на пол, я прыгаю ему на спину, хватаю за голову и ломаю шею. Четыре!

Один в углу. Уже достал пистолет! Бегу, молясь, чтобы этот гад промахнулся, и понимаю, что не успею, что сейчас последует выстрел!

Щелк! Щелк!

Ах ты ж сука! С разбегу вбиваю противника в стену и потом, обмякшему, сворачиваю шею. Семь бед – один ответ! Одного завалил – свидетелей точно надо убирать.

Беру пистолет из руки покойника, проверяю – ага, точно! Надо патрон в патроннике держать, сука! Не привык, да? Все алкашей грабим? С оружием-то не умеем обращаться! И слава богу. Будь на его месте такой, как я, – тут же бы мне и конец.

Дежавю. Точно – дежавю! Только конец истории другой, совсем другой!

Забрал деньги, бумажник. Собрал в пакет свои продукты. Нет, не затем, чтобы их есть – брезгую, после того как они валялись на грязном столе. Просто потому, что это наводка для сыщиков.

Вытер пистолет, который брал в руки, подумал – чего мог коснуться, пришел к выводу – ни к чему не прикасался. Хотя... вроде как за спинку стула схватился, чтобы не упасть. На всякий случай – вытер спинку тряпкой, которую взял со

стола.

Этой же тряпкой открыл дверь «пикета», нажав на дверную ручку, прислушался – тихо, ночь. Никого! Представляю, что они здесь творили, и, скорее всего, – давно!

Проверил, есть ли живые. Второй, которому я разбил переносицу, – вроде как был еще жив. Скрутил шею и ему. Теперь – гарантированно мертв.

Поднял воротник куртки, прикрыв подбородок – чтобы, если кто-то увидит, потом не опознали, и пошел к поездам. Они еще ходили. Я прыгнул в последний вагон, затаился в углу. Согнулся, пряча лицо в руках, так и ехал до самой станции «Динамо».

На выходе на меня никто не обратил внимания – всем было не до меня. Ну идет какой-то запоздавший мужик – наверное, с вечерней смены, – ну и пусть себе идет. Лицо я наклонил к полу, особо и не разглядишь. Ну а на улице уже темно – главное, не попасть под свет от фонаря. И слава богу – видеокамер в этом времени пока нет. Впрочем – в метро нет, и в ментовке нет. Где-то, может, и есть? Мне это неизвестно.

Но все прошло нормально. Открыл дверь в квартиру, сбросил ботинки и свалился на диван. Дошел! Вот тебе сходил, понимаешь ли, поужинал... до сих пор поджилки трясутся – отходняк! Адреналиновый откат. Вот сейчас как раз бы и хряпнуть спиртяги!

Но ша! Хватит! Нахряпался уже. Пять трупов. Вряд ли,

конечно, на меня выйдут, но... на душе препогано! Все у меня не слава богу... вечно во что-то вляпываюсь. Судьба, видать, такая!

Глава 2

Проснулся в девять часов утра, как по звонку будильника. То есть – в восемь часов по моему провинциальному времени. Московское от нашего времени отличается на час – почему, зачем, не знаю. Смысл в этом какой? Чтобы провинциалы на час раньше работать начинали? Нет бы привести все к одному знаменателю...

Спал я одетым – как упал на диван, так утром и поднялся – кряхтя, хватаясь за голову, будто собираясь узнать, на месте ли она. Но, кстати, против ожидания – вчерашняя выпивка никак на мне не сказалась, хотя после очень длительного перерыва в употреблении спиртного я после такой порции виски должен был просто умирать с похмелья. Ну... мне так кажется. Абстинентный синдром, однако!

Стянул с себя пропотевшие тряпки – рубаху, джинсы, все остальное – и побрел в ванную. Быстренько принял душ, надел чистое белье, сунул ноги в тапочки и побрел на кухню. Есть не хотелось, да и нечего – все, что взял в ресторане, выбросил в урну, выйдя со станции метро. Жаль, конечно, но эту еду опоганили грязные руки моральных уродов. Не смог бы себя заставить съесть хоть кусочек. Да плевать – успею сбежать в гастроном, что по дороге к станции метро.

Шел на кухню совсем за другим – вспомнил с утра, что обещал себе посмотреть заветную коробку покойной бабуль-

ки-поэтессы. Я ведь теперь ее наследник, так что...

Поиски коробки заняли у меня минут десять, мешки с мукой и крупой занимали все нутро кухонного серванта (или как он там называется?), так что пришлось попотеть, чтобы найти искомое. Когда все-таки нашел (в мешке с гречкой, черт подери!), удивился тяжести коробушки тридцать на двадцать сантиметров размером. Глубиной она сантиметров десять, а на жестяной крышке нарисована дебелия купчиха и написано что-то вроде «Печенье к чаю...» и дальше неразборчиво. Дореволюционная коробка, это ясно. Умели делать вещи в 14-м году.

Коробка крепко, в несколько рядов перехвачена прочной бечевкой, так что пришлось мне эту самую бечевку разрезать – узлы затянуты наглухо. Нож тупой, пилил довольно-таки долго, веревка будто окостенела. Но в конце концов она сдалась, я уцепился за крышку, открыл ее, и...

Точно, цапки. Стеклашки, но красивые. Звезда на голубой муаровой ленте, над ней что-то вроде короны Российской империи, а в центре желтое изображение распятого человека. Христа?

И тут у меня в голове будто щелкнуло! И я не просто оторопел – назвать это оторопью нельзя! Я ОХРЕНЕЛ! Я видел эту звезду! Видел! Любой, кто хоть мало-мальски интересуется стариной, хотя бы раз встречал изображения царских орденов. Так вот – это был Бриллиантовый знак Святого апостола Андрея Первозванного! На муаровой голубой ленте!

Нет, этого не может быть! Не может! У какой-то там старушки, поэтессы, последний хрен без соли доедающей, – и такой орден!

И я помню, сколько он стоит. Помню! Однажды я лазил по сети и смотрел – самые дорогие монеты, самые дорогие ордена. Я ведь несколько лет занимался кладоискательством – чисто для души, но все-таки в надежде найти Его: Клад! И вот он, Клад! Да не Клад, а КЛАДИЩЕ! Такой орден был продан на «Сотбис» за пять с половиной миллионов долларов! Пять с половиной миллионов... вот же черт... Если бы этот орден да ТУДА, в 2018 год... Это вилла на Корфу, это яхта, это безбедная жизнь до самой смерти! И детям останется, и внукам! Живи и радуйся!

Меня даже пот прошиб, и очнулся я только минут через десять – вспотевший, хоть и сидел в трусах под открытой форточкой, полный дурацких мыслей – например, о том, как бы я продавал этот орден в свое время и кто бы мне дал эти пять с половиной лямов. И дали бы вообще, или догнали бы, и еще добавили. У нас это быстро – прознает кто-то особо завистливый о привалившем богатстве и обязательно попытается нагадить. Или отнять привалившее богатство, или заявить куда надо – мол, клад нашел и не спешит его отдавать. Изымут, а потом и доказывай, что не верблюд, – как сделали с людьми, которые купили дом и нашли в нем двести с лишним золотых монет царской чеканки. Я не знаю, по какой такой причине они, вместо того чтобы нормально

продать этот клад, решили его сдать государству – но они сдали, рассчитывая на два миллиона рублей награды, то есть половину стоимости клада. И... все. Клад оценили, описали, отправили в Минфин... Вот только когда открыли посылку, там вместо золота оказались ржавые гаечные ключи. И плакали два миллиона – нет золота, нет денег!

В общем – абсолютно бессовестно людей обворовали. И теперь они судятся, надеясь выбить из государства свои деньги. Кто украл золото, кто подложил вместо него железяки – менты только руками разводят: «Не знаем! А может, и не было никакого золота?!» Бесстыдство, конечно. Эти же менты явно при делах. Но попробуй докажи!

Впрочем, люди за пятьдесят лет мало изменились. И, наверное, за тысячи или даже сотни тысяч лет. Я не религиозный человек, но кое-что можно объяснить только единым созданием мира – например, поведение людей. Оно ОДИ-НАКОВО во все времена. Зависть, злоба, желание нагадить ближнему только потому, что он более удачлив, более богат, – было, есть и будет всегда.

С юности помню: одна семья выиграла по облигациям займа двадцать тысяч рублей. Не такая уж и великая сумма, но... После того как о них написали в газете, мол, семья Пупкиных выиграла такую-то сумму – играйте, и вы тоже выиграете, – у этих самых Пупкиных вдруг объявилась масса родственников и друзей, которым совершенно необходимы деньги. Просто вопрос жизни и смерти, как необходимы! А

когда Пупкины отправили их подальше... Они жили в полуподвальной квартире, окна которой выходили в приямок, на тротуар. Им посреди ночи в окно закатили огромную камешку, как минимум на полтонны весом (и не поленились!). Мол, нечего жадничать. Так что я и насчет людей этого времени тоже не обольщаюсь. Всякие были люди. Вспомнить только вчерашнюю банду ментов...

В голову стукнуло: а может, подделка?! Ну так, бижутерия на тему? Взял орден в руку, подошел к окну, приставил к стеклу «стекляшками»... хрр! На стекле осталась жирная черта! Бриллианты. Черт подери, бриллианты!

Вернулся к коробке, взял ее, положил на кухонный стол. Орден почтительно отложил на тряпочку. Один из тысячи. Их было сделано всего тысяча! И все оставшиеся в живых едва ли не наперечет.

Так... а это что?! Еще звезда! Другая... щелк! Мозг выдает информацию: Большой крест, или Звезда Великомученицы Екатерины. Больше миллиона долларов стоимостью! В 2008 году на аукционе ушла за такую цену! О-чу-меть!

Отложил. Потянулся за медальоном на красной ленте – на ленте надпись крест-накрест: «За любовь и Отечество». Еще один орден Екатерины – «Малый крест»! Тоже около лимона баксов.

Я сидел около часа, выкладывая из коробки сокровища и осматривая их со всех сторон. Бросилась в глаза изумительная сохранность драгоценностей – большинство из них были

завернуты в пергаментную бумагу или просто в кусочки холста. Здесь были и георгиевские кресты первой и второй степени в золоте, и «Станиславы», и «Анны» – потрясающие, невероятные даже для человека будущего сокровища! А уж для советского гражданина – это запредельно.

Хотя... вот куда он, этот человек будущего, сунется с такими сокровищами? Может, разгадка – почему бабулька ими не воспользовалась – лежит именно в этой плоскости? К примеру, я – не имеющий здесь никаких контактов, никаких связей – иду в комиссионный и предлагаю купить Бриллиантовую звезду. И что дальше будет?

Во-первых, скорее всего, меня попытаются просто грохнуть.

Во-вторых, если увидят, что сделать это непросто – договорятся с ментами, и... звезду отберут, а меня опять же – грохнут. Только в камере. Или при попытке к бегству. Потому что деньги настолько великие, что никто и не задумается, прежде чем спустить курок.

Даже в нашем времени я бы задумался – а как продать такую вещь и не продешевить? Просто продать, за копейки – легко. Миллион, два – запросто. Рублей. Но пять миллионов долларов?! Если только контрабандой вывезти за границу и там уже продать? Только вот чревато...

Интересно, а здесь обыскивают тех, кто отправляется за границу? А что, если прихватить с собой пару орденов и пристроить там на аукцион? Был бы у меня тогда некий матра-

сик, кучка соломы – на случай падения с высоты. Вдруг меня здесь прижмут и мне понадобится бежать – на что тогда жить? А вот тогда и будет мне страховой фонд!

На самом дне шкатулки лежали николаевские империалы – пятьдесят штук (я пересчитал). Тоже очень недешевая монета – каждая, в зависимости от сохрана, может стоить больше ста тысяч долларов. Редкость по каталогу – четыре «R». Опять же – стоить в *будущем*. Сейчас, наверное, дешевле. Сейчас их пускают на золотые зубы. Это в будущем людям стремно вставлять себе полон рот золотых зубов, здесь – обтачивают здоровые зубы, чтобы поставить золотые коронки. Особенно кавказцы и цыгане.

Странно это все. Нет, не то – откуда взялись эти сокровища. В революцию и не то бывало. Похоже, что грабанули революционные массы какую-то сокровищницу, вот и прилипли к рукам некоторые ценности. Как старушка их сумела сохранить, вот что странно. Не потратила – даже в войну, когда все голодали. Не потратила после войны, когда уже все наладилось, но денег не особо хватало, – все-таки поэтессы не очень-то богатые особы литературного мира. В музей не отдала. Просто закопала в гречку, и... что она с ними делала? Вынимала, разглядывала? Может, примеряла? Или просто любовалась красотой драгоценных изделий? Теперь уже не узнаешь. Лежит она в могиле, тихая и спокойная, а ты теперь думай – на фига такое сокровище и что с ним со всем мне сейчас делать!

К месту или нет – вспомнился драгоценный камень, который граф Монте-Кристо подарил подлецу-трактирщику. Тот спятил, убил ювелира, по наущению своей подлой женушки, и нормально пошел на каторгу, как и полагается подлецам и предателям.

Я не подлец и не предатель, но... лучше бы не находил этого сокровища. Потому что не знаю, что с ним делать и как теперь жить. Будет висеть надо мной это сокровище как какое-то проклятие, буду беспокоиться, что его украдут, буду думать, как сбыть эти проклятые побрякушки, и... все такое прочее. А оно мне надо?

В музей отдать? Ага, щас прям! Чтобы бросили в запасники, а потом втихую уперли? Знаю, как делаются такие дела! Я лучше в реку выкину, чем отдам на растерзание музейным стервятникам. Насмотрелся в свое время, как растаскивали музейные фонды – особенно в девяностые годы. Краеведческий музей едва ли не наполовину растащили, посмотреть не на что. Позорище!

Аккуратно упаковал сокровища, сложил примерно так, как они и лежали. Обмотал шнуром, чтобы крышка не открылась, затянул. Хорошо, что крупы и муку не раздал соседям! А ведь хотел! Хорошо, что вспомнил про горячечный шепот старушки: *«Там в ящике серванта, на кухне, в крупе... коробка! Все тебе! Делай с ней все, что хочешь! Я долго хранила, сама не решилась! А ты сможешь! Пусть тебе впрок будет!»*

Я и помыслить не мог, что здесь лежит ТАКОЕ. Даже близко помыслить не мог!

Ушел в комнату, лег на диван, закинул руки за голову и замер, раздумывая над ситуацией. Как там сказано у Ильфа и Петрова? «В сторожке плавал бриллиантовый дым». Вот и у меня перед глазами – ордена, золото, бриллианты, серебро, платина... Тяжкое испытание для нищоброда. Ну да, я нищоброд – а кто же еще? Это сейчас немного разбогател на своих книжках, деньги завелись. А раньше? От зарплаты до зарплаты! Никаких тебе дорогих машин, никаких Багамов и Корфу! Скромный домик, скромная, хотя и добротная еда, скромные одежда и обувь. В общем – как все. Как весь народ. И вдруг... Вот так, наверное, сходят с ума нувориши, обезумев от павших на них шальных денег. Начинают гулять, выпивать и в конце концов прогаживают все, что у них есть, плюс обретают долги. Если только за ум не берутся...

Я пару раз глубоко вздохнул, насыщая кровь кислородом, и решил, что буду справляться с проблемами по мере их поступления. И внезапно упавшее на меня сокровище не такая уж и большая проблема. И, кстати, – не такие уж и гигантские деньги. Вот если бы это было миллионов сто долларов – тогда, да! А так... миллионов на десять? Пятнадцать? Копейки! Хе-хе-хе... наглец, ага! Копейки ему пятнадцать лямов «зеленых»!

Развеселившись, слез с дивана и начал одеваться. Скоро рабочие придут, так не в трусах же их встречать. Достал из

чемодана свежие штаны, рубашку (слегка помятая, но сойдет), носки и скоро был уже готов к встрече бригады. Несвежую одежду сложил в мешок – потом постираю. Вечером, когда уйдут работяги. Кстати, вот еще вопрос – где мне обитать, пока тут идет ремонт? Работать в строительном бедламе совершенно невозможно. Если только на кухню переселиться? Дверь закрыть, и пусть себе бесчинствуют в комнате? Заодно и сокровища под присмотром. Но пока надо сходить в издательство, уладить дела.

Бригада появилась ровно в двенадцать часов дня. Четверо мужчин и две женщины – не считая бригадирши. Все трезвые, ни от кого не пахнет алкоголем, в руках объемистые сумки – вероятно, инструменты и спецодежда.

– А вот и мы! – радостно известила меня нарядная как для гулянья бригадирша, выступая перед своим боевым отрядом, – мы готовы приступить!

Я заверил, что очень счастлив этим обстоятельством, известил, что купил плитку и все необходимое, что хотел выбрать сам, – и процесс пошел. Через пятнадцать минут вся бригада была одета в рабочие комбинезоны, через полчаса – в ванной стучали молотки, сбивая старую плитку и штукатурку, а в комнате скрипели по полу ножки старого дивана, постанывавшего от предчувствия своей скорой гибели.

Ненавижу ремонт! И без него нельзя, и выносить его просто невозможно! Самое лучшее – это на время ремонта куда-нибудь свалить, приехав только тогда, когда все уже за-

вершено. Может, снять на это время квартиру? Только вот как быть с драгоценной коробкой? Вдруг рабочие из любопытства начнут лазить по ящикам? Ну мало ли, как оно бывает... Ну просто любопытно стало, да и все тут! Хотя ведь можно драгоценности и с собой забрать...

Эх, вот не было печали, а?! И зачем они мне?! Я и без них хорошо жил! Денег хватает, перспектива отличная – на кой черт мне еще и это бремя?! Разбазарить, пустить по ветру оставленные мне сокровища было бы просто неуважительно по отношению к покойнице, завещавшей коробку. Но и целыми днями думать – как бы уберечь ее от воров, как бы не потерять, как бы кто не узнал о сокровище – это безумие какое-то! И в музей я их точно не отдам. Во-первых, это не такие уж и музейные раритеты. Они ценны для коллекционеров, а вот для музеев – копейки, да и только. Не интересны они им. Опять же – а где гарантия, что те же музейные работники и просто сильные мира сего не тиснут эти сокровища из запасников, в которых те вскорости окажутся? Только вспомнить громкую историю о том, как из Эрмитажа выносили всевозможные раритеты и вынесли десятки, а то и сотни предметов, пока их не схватили за руку. Не хочу никому отдавать неожиданно павшее в руки сокровище, и плевать, если меня назовут стяжателем и жадиной. Плевать! Впрочем, я уже повторяюсь... никак не могу выбросить из головы мысли об этих сокровищах.

Одевшись, я вышел из квартиры, предупредив бригадир-

шу, что буду дома, скорее всего, ближе к вечеру, на что она так же радостно ответила, что они будут работать допоздна, так что я могу не беспокоиться и приходить к десяти часам, не раньше. Ведь им нужно уложиться в сроки, а значит – работать будут не по восемь часов.

Убедившись, что ближайшие десять дней писанина моя накрывается медным тазом – по понятным причинам, я пошел по ступеням вниз, решив спуститься по лестнице, а не с помощью лифта. Нет, не потому, что он был жутким чудовищем, страшно лязгающим металлической дверью (древний раритет, черт подери!). Просто надо больше двигаться, поддерживать физическую форму. Как показывает практика – и в этом якобы тихом и спокойном мире не все так ладно, как выглядит снаружи.

Я ничуть не переживал насчет вчерашнего убийства милиционеров. Мне их было абсолютно не жаль. Наоборот – я был даже рад, что они нарвались на меня, а не на какого-то неспособного дать отпор человека. Представляю, сколько несчастных они обобрали, унизили, оскорбили, а то даже и убили. Я как-то сразу поверил этим тварям, когда они сказали о людях, пропавших в тоннелях московского метро. Запросто могло быть. Тоннели метро сообщаются с подземельями под Москвой, а там может быть все что угодно. Диггеры не все врут о подземельях Москвы...

Когда спустился до второго этажа, дверь квартиры, что справа, открылась, из нее вышел пожилой мужчина лет под

семьдесят, ведущий на поводке здоровенную собачару, похожую на болонку-переростка, не менее метра в холке. Я даже слегка обалдел, глядя на такое чудо, а потом в голове всплыло: южно-русская овчарка. Хорошо иметь свой интернет! В мозгу. И вай-фай искать не надо!

Шерсть собачьей челки полностью закрывала глаза, и я неожиданно для себя самого спросил:

– Как она видит-то? Глаза-то прикрыты!

Мужчина задумчиво посмотрел на меня, вздохнул и, переведя взгляд в пространство над моей головой, ответил:

– Она как КГБ – все видит, только виду не подает!

Мне стало смешно, я улыбнулся, кивнул мужчине и зашагал дальше. Уже когда отошел от дома метров на двести по направлению к метро, вдруг задумался – а не пророческие ли слова? Может, меня уже давно вычислили и ведут, а я только ушами хлопаю, как африканский слон? Было ведь у меня ощущение, что кто-то за мной следит, но потом исчезло. И я точно знаю, что не ошибся. Точно – следили! Только вот – кто? Если это в связи с моей поездкой в США, типа негласная проверка писателя на предмет его лояльности родной стране, – это одно дело. А если вышли на Шамана – это совсем другое. Только вот почему, если вышли на Шамана – меня не арестовали? Значит, не вышли. Значит – просто взяли в разработку как потенциального беглеца из страны, а когда убедились, что со мной все в порядке, – сняли слежку. Эта версия все объясняет – почему бы и нет? Подумаю.

Крепко подумаю.

* * *

Заместитель начальника РОВД подполковник Семен Викторович Татаринцев стоял чуть в стороне, у стены, и с тоской наблюдал за тем, что происходило на месте преступления. Он знал, что будет дальше. Очень хорошо знал. Эти, с лампасами, уедут, оставив его заниматься абсолютно безнадежным (как он уже выяснил) делом, а сверху пойдут грозные резолюции: «...усилить!..» «...добиться!..» «...не допустить!..» А чего не допустить-то? Пьянки на работе? Так и стараются – не допустить. Не допустить утечки информации? Чтобы никто не рассказал о том, как некто свернул головы пьяным милиционерам? Тогда не надо было пускать информацию по сводкам! Сколько человек ее прочитали? Сколько теперь расскажут женам, любовницам, братьям, сестрам и всем, всем на свете «по секрету»? В общем – шило в мешке не утаишь. И, самое главное, – это «висяк». Самый что ни на есть обычный «висяк»! Хотя... какой к черту «обычный»? Убийство нескольких милиционеров – обычный?! Голыми руками! Без оружия!

– Подполковник, вы тут старший?!

Оооо... Татаринцев едва не застонал! Еще один «лампасник»! Да сколько же можно?! Он уже подробно рассказал о происшедшем четверым подряд «лампасникам», и еще

один?! Развлекаются они так, что ли?!

– Я старший, товарищ генерал. Подполковник Татаринцев.

– Расскажите, что тут произошло, – генерал внимательно посмотрел в глаза Татаринцеву, и его губы тронула улыбка. – Какой я по счету?

– Пятый... – невольно улыбнулся и Татаринцев.

– Уж извините... – пожал плечами генерал, и его молодежеское лицо с правильными чертами стало серьезным. – Сами понимаете, ситуация чрезвычайная. На теракт походит.

– А если на теракт, так, может, «соседи» возьмут?! – воодушевился Татаринцев, предвкушая, что сбросит с плеч тяжкий груз ТАКОГО «висяка». – Мы-то чего тогда будем тут копать?!

– Это дело чести, подполковник! – серьезно и почти пафосно ответил генерал, и тут же сбавил накал: – Сами понимаете, лучше не выносить сор из избы. Заберут дело – тогда ладно, пусть занимаются, ломают головы, а сами предлагать не будем. Мы на что тогда, если не можем найти тех, кто убил наших коллег! Пусть даже и не совсем праведных коллег. Итак, вкратце, что случилось?

– Судя по всему, эти кадры (Татаринцев кивнул на трупы милиционеров) кого-то зацепили на станции метро и привели сюда. Между задержанным и милиционерами вспыхнул конфликт. (Татаринцев не стал говорить – на почве чего мог быть конфликт, а генерал уточнять не стал – и так яс-

но.) Действовал какой-то профессионал, возможно, шпион. Убить нескольких здоровых, сильных парней голыми руками – это надо уметь. Они даже не успели воспользоваться своим табельным оружием. Как цыплятам головы свернул, ей-ей!

– Отпечатки пальцев?

– Да тут этих отпечатков – море разлитое! – досадливо поморщился Татаринцев. – Сюда водили людей постоянно – пьяных, бомжей, всех, кого зацепят на станции. Хотя и тут есть кое-какие интересные признаки – убийца вытер стол, угол стола, там ни одного отпечатка. Вытер ручки двери – тоже нет отпечатков. Это показывает, что он знаком с основами розыскного дела. По крайней мере, слышал о дактилоскопии.

– О ней даже первоклашки знают! – поморщился в досадливой гримасе генерал. – Свидетели есть? Кто-то его видел? Дежурный на эскалаторе? Машинисты?

– Опрашиваем, но все это, скорее всего, не даст результата, – вздохнул Татаринцев. – Если он такой продуманный, то, скорее всего, не показался им на глаза. Дежурный никого, способного учинить такое, не видел, машинисты – они и не смотрят на пассажиров. Вернее – не присматриваются.

– Ну так что, получается – «висяк»? – нахмурился генерал. – Так, что ли?

– Вот я и предлагаю сбросить его «соседям», – кивнул головой Татаринцев, уходя от прямого ответа. – Пусть они себе шею на нем сломают, на этом деле! Ну да, мы будем помо-

гать, будем искать... но если не найдут преступника... или преступников – виноваты будут они, а не мы!

Генерал, один из заместителей Щелокова, напряженно думал, и, честно сказать, – было о чем. Действительно – а почему бы не подкинуть свинью гэбэшникам? Пусть отдуваются! В самом деле – это настоящий, галимый «висяк», так что с ним валандаться?

Татаринцев все это прочитал на мужественном челе высокого начальства, как и все, от постового милиционера до генерала, занятого лишь одной задачей: как бы это половчее прикрыть свою задницу от желающих ее поймать. Хорошая бумага – залог успеха. Настоящая бумага! Броня! Хорошее средство убережения пятой точки...

Генерал торопливо кивнул и, тут же забыв о существовании оперативника (что того нимало не расстроило: подальше от начальства – поменьше суеты), зашагал туда, где появился новый персонаж. И этот персонаж был всем персонажам персонаж! Татаринцев мгновенно оценил ситуацию и сделал полностью противоположное действиям последнего собеседника – двинулся прочь от объекта наблюдения, а именно – министра внутренних дел Щелокова. Очень уж не хочется стать стрелочником в этой скользкой ситуации. Пусть они вначале между собой разберутся, скинут свои указания на нижних чинов, а там уж можно будет подумать – как это не исполнять. В ментовке ведь каков закон: ешь начальство глазами, повторяй: «Бу сделано! Бу сделано!» – и...

не делай! Инициатива наказуема, слишком умные никому не нужны, но и абсолютных идиотов не терпят. Серый середнячок, шустрячок, который умеет прикрыться бумагой и набить «палок», – вот идеал милиционера.

Кстати, этих тварей, что лежат теперь в метровском «пикете», – их следовало грохнуть. Грех вроде так говорить про своих коллег – но Татаринцев не любил этих жадных, мерзких тварей, неспособных ни к какой более-менее осмысленной работе. Он был опером, поднимался с самых низов, с земли, и знал, что почем в этом мире. Не без греха был, да – а кто сейчас безгрешен? Только вот до откровенных грабежей не опускался. До такого уровня, на котором находились эти твари, не опускался. Да, на работе бухали. Да, вышибали из задержанных признания. Да, лепили доказуху, если иначе нельзя было «закрыть» явно виновного, но не сознающегося злодея. Но чтобы грабить людей? Чтобы обирать пьяных? Нет, этого делать нельзя. И банда понесла заслуженное наказание.

Да, он кое-что слышал об их делишках, – поговаривали, что происходит в метро темными ночами. Но только это не его дело, не его головная боль. Пусть начальство думает, что делать и как жить. А он будет преступников ловить – настоящих преступников! А этому, что наказал беспредельщиков, – надо еще и орден повесить за то, что покарал скотов. Вот так!

Татаринцев усмехнулся своим дурацким мыслям (орден!

Договорился, ага!) и пошел к эскалатору, решив подняться наверх, к солнцу. Не любил он подземелья. И подвалы не любил.

* * *

– Привет, привет! – Махров крепко пожал мне руку. Вот никогда бы не подумал, что в этой пухлой интеллигентской ручке столько силы. Если его загнать в спортзал, да согнать лишний жирок... плечи-то у него широкие! Это просто из-за лишнего веса кажется кругленьким и мягким, а на самом деле под жирком таятся очень даже приличные мышцы. Интересно, а не занимался ли он тяжелой атлетикой в юности? Не выдержал, спросил.

– Было дело! – Махров белозубо улыбнулся. – Потом забросил. Некогда! С этой беготней! Надо карьеру строить! Работу работать! А с атлетикой все равно бы ничего не вышло – ну поднялся бы до мастера спорта, и, может быть, даже международного класса, и что потом? Тренерство? За жалкие гроши тренировать начинающих спортсменов? Нет уж! Без меня. А тут работа сидячая, жирком зарос, да. Но девушки меня и таким любят! Веришь?

Я верил. Мы посмеялись, и Махров перешел к делу:

– В общем – билеты тебе куплены, все улажено. Летишь с Нестеровым. Ну сам понимаешь... никак по-другому. Кстати, очень легко тебя отпустили – на удивление. Я все-таки

подумываю, что имела значение твоя дикая эскапада в адрес Солженицына. Если бы не она... ну ты сам должен представлять – ехать в страну потенциального противника! Идеологического врага! Ну да ладно – отпускают, и слава богу. Расскажи, что нового, чем сейчас занят, что пишешь?

Я обрисовал ситуацию, и Махров на минуту задумался, а после раздумья поднялся и, буркнув: «Щас, погодь!» – вышел из кабинета. Вернулся он минут через пятнадцать, не меньше, – я уже слегка заскучал и от скуки принялся рассматривать газеты на журнальном столике. Читать тут было нечего (Ну не «Правду» же или «Труд!»), если не считать «Литературной газеты». В нее я и углубился – начал, само собой, с самой что ни на есть последней страницы, с рубрики «Рога и копыта». Минут пять улыбался и хихикал – ведь можно же писать интересно! Чтобы все читали! Чтобы не оторваться! Это как глоток свежего воздуха во всеобщей газетной затхлости.

– Путевка тебе – на две недели! В Дом творчества! Устраивает? – Махров победно сжал кулак и потряс им в воздухе – на всем готовеньком! Питание, проживание – все твое! Собирай чемодан, и вперед! С песней! Какую споешь?

– Люуули-люли заламаааюуу... – заунывно пропел я, и Махров радостно захохотал:

– Может, и заламаешь! Там есть кого заламывать – писательши всякие, официантки, поварихи! От супруги-то далеко! Никто и не увидит!

– Ага... не увидит! – скривился я. – Небось друг друга так и пасут! Да и одни старые пердуны собрались. Женского рода.

– Шовинист! Ты есть – шовинист! – Махров прицелился в меня толстеньким пальцем. – Бабушки имеют право на крепких фантастов! Что, трудно утешить пожилую писательницу?! Прижать ее к широкой груди, чтобы косточки хрустнули, а в грудях томление произошло?!

– Меня сейчас стошнит! – взмолился я. – Развел тут... геронтофилию! Ладно, к делу – где оформлять и что для этого нужно? Что-то платить надо?

– Беги в Союз писателей, к дражайшей Лидии Петровне – она уже оформляет путевку. Сегодня переночуешь у себя, а завтра – в Дом творчества! Но прежде чем бежать – давай-ка мы с тобой кое-что подпишем. Я тебя порадую – еще несколько зарубежных издательств изъявили желание напечатать твои романы. Так что будет еще несколько переводов. Пока только соцлагерь, но у меня есть кое-какая информация... вроде как из Швеции и Дании литературные агенты зашевелились – твой герой похож на викинга, вот им и стало интересно. Но они ждут, как дело пойдет в Америке. Если там пойдет – то и они уцепятся. Так что ты, дорогой товарищ рода-племени не помнящий, становишься мировой величиной, классиком фантастики! И вообще – классиком! А еще – довольно-таки состоятельным человеком! Кстати, зайдешь в бухгалтерию, надо оформить перевод на сберкнижку, ну и

наличных прихватишь. А еще – бумаги на Внешторгбанк.

– Вот на кой черт мне эти чеки?! – страдальчески сморщился я. – Ну что мне с ними делать?! Всю «Березку» не выкуплю! Много мне не надо! Уж лучше бы валютный счет открыли! Может, за границей что-нибудь бы купил!

– Ага... щас прям! – Махров хохотнул. – Валютный счет ему! Это не капитализм, дорогой товарищ! Это социалистическая страна! Не нравятся чеки? Подари их кому-нибудь! Мне, например! Я приму, а чего? Надо же освободить тебя от ненавистных бумажек! Не дури, Миша. Купи себе дом в Подмосковье. Или в Сочи. А что? Хороший вариант! Построй себе дом в Сочи! Или купи! Чего ты переживаешь-то? А можно на Рижском взморье домик прикупить! Там прохладно, ветерок дует! Что, потратить некуда? На кой черт тебе валюта? Больше не говори такие вещи. Я-то ладно, а вот другой кто-нибудь возьмет, да и стукнет куда надо, и плакала твоя командировка! Кстати, насчет командировки – можешь что-нибудь с собой взять, чтобы продать там, за бугром, – например черную икру. Или русскую водку. Или коньяк армянский! Вот тебе и деньжата! Открою секрет – на таможене тебя и твоего сопровождающего обыскивать не будут. Конечно, если потащишь чемодан с барахлом – тебе втолкуют, что не дело советскому гражданину вывозить сто килограммов икры. Хе-хе-хе... А вот если десяток баночек положишь в чемоданчик – так кто до тебя докопается? Все же люди, все понимают! Суточные – ерундовые. Кстати, у тебя повышен-

ные, не как у всех. Тебе выделяют тысячу долларов! Это много, поверь! Больше пятисот никому не дают! А тебе – тысячу. Ну чтобы не стеснялся, представлял страну. Советский писатель не бедный человек, так что заплатить за себя в ресторане ты сможешь. И хот-дог купить. Ну, все – пошли к столу. Подпишешь и в бухгалтерию. А оттуда – в Союз. Дел у тебя еще куча, так что поторопись.

Я и поторопился. Хотя это «поторопился» все-таки заняло у меня около полутора часов. Еще около двух часов заняло посещение Внешторгбанка. Сертификаты я получать сразу не стал, оставил их на потом. Ну не в Дом творчества мне их тащить? Персонал может увидеть... не надо ставить перед людьми соблазны. Уборщица, которая получает сто двадцать рублей зарплаты (в лучшем случае), видит перед собой портфель с двадцатью тысячами сертификатов – что она сделает? Что решит для себя? Я не хочу проверять – что именно она решит и как поступит. Кто-то назовет меня циником, но я не верю в бессребреников. Они больше всего воруют.

Лидия Петровна была на месте, и в этот раз я не избежал ее объятий, пахнувших нафталином и духами «Красная Москва». Ощущение было такое, будто я попал на козлы для распилки бревен, – присунутый между двумя грудями, заключенными в бронебойный лифчик.

– Мишенька, как я рада! Давно вы у нас не были! (Ага, три дня назад! У нее память, как у собачки, которая не замечает времени, – то ли день прошел, то ли месяц.) Я все подготови-

ла! Все-все! И уже позвонила в Дом творчества, вам выделяют очень хорошую комнату – тенистую, сейчас ведь жарко! Все подготовят – и сетку от мух и комаров на окно, и проследят, чтобы вам было удобно! Вот здесь распишитесь... и здесь. И вот вам документы! Адрес вот тут написан и телефон. Завтра к обеду можете заселяться! Вы довольны, Миша?

Я понял намек и уже привычно достал из бумажника сертификат на десять рублей и положил перед Лидией Петровной:

– Спасибо! Что бы я без вас делал?

– Ох, Мишенька... вы меня так балуете! Так балуете! Не стоило, я же чисто из дружбы!

Ага... дружба дружбой, а бумажка исчезла, как под рукой фокусника. Рраз! И нету! Попробуй-ка сумей так быстро ее спрятать! И, самое главное, куда она ее дела? В бронелифчик, что ли? Впрочем, какая разница – куда? Да я и не в претензии, – Лидия Петровна, с ее связями и способностями посредника, не просто полезна – она совершенно незаменима. Ей-ей, в моем времени она бы развернулась так, как и не снилось! Стала бы миллиардершей! Хмм... хотя... в мире, где нет дефицита, где для того, чтобы найти товар или услугу, достаточно заглянуть в интернет... нет, все-таки я погорячился. Лидия Петровна на своем месте здесь, в этом времени, времени тотального дефицита и отсутствия всего мало-мальски востребованного. Разному времени – разные герои!

Из Союза писателей я ушел уже под вечер – Лидия Петровна напала на меня со всей страстью стосковавшейся по общению одинокой женщины и заставила пить чай с домашними плюшками (надо сказать – сдобными и очень вкусными), сразив меня убойным аргументом, что она обидится, если я не попью с ней чаю и не выслушаю о ее неприятностях.

Ее главной и, скорее всего, единственной неприятностью был сынок, великовозрастный недоросль, презирающий мать, но не презирающий дензнаки, которые регулярно у нее вымогал. Я уж не знаю, все ли, что зарабатывала Лидия Петровна на работе и на посреднических услугах, она отдавала этому придурку, но уверен – суммы, которые шли в карман мелкому негодяю, были очень даже приличными. У меня даже возникла мысль – сходить в гости к Лидии Петровне и поговорить с этим придурком «по-мужски», а конкретно – набить ему морду. Но я тут же отбросил эту идею как совершенно, ну абсолютно непродуктивную. Во-первых, это уголовно наказуемое деяние. И можно конкретно попасть под статью «побои».

Во-вторых, та же самая Лидия Петровна тут же даст на меня свидетельские показания и скажет, что не просила избивать любимого сына, что вообще это их семейное дело, а я чужой агрессор, который не должен был никуда вмешиваться. И получится вместо известного, успешного писателя обычный зэк, по глупости похоронивший свое счастливое настоящее и будущее. А оно мне надо?

Знаю я, как делаются эти дела, не раз слышал и читал о таком. Инициатива, она ведь наказуема... как и все добрые дела. А потому – даже если она попросит, вмешиваться не буду. Но она не попросит. Потому что ее устраивает положение вещей. А если бы не устраивало – все было бы по-другому. Просто ей надо кому-то выговориться, и сегодня она выбрала меня. Ну и пусть... от меня не убудет. Ну вот такой я, типа альтруист!

Кстати, таких баб по миру не просто пруд пруди, а целое море разливанное. Я искренне считаю, что вот это самое их долготерпение из разряда мазохизма. Иначе я ничем не могу объяснить те факты, когда женщина годами и десятилетиями проживает в, можно сказать, нечеловеческих условиях с пьющим и бьющим ее мужем. А когда по звонку соседей приезжает милиция – окровавленная, с разбитой рожой, она отказывается писать заявление на благоверного. А если пишет – на следующий день прибегает и заявление забирает.

То же самое касается и других родственников-истязателей. Что, при ее связях Лидия Петровна не могла бы найти управу на сына-тирана? Запросто. А раз терпит, то... ну, понятно.

Бригада действительно работала, хотя время было уже нерабочее. А точнее – восемь часов вечера. По дороге домой я зашел в кафе и как следует поужинал – ну, в самом деле, не готовить же в строительной пыли и грязи? Да и просто готовить ничего не хотелось. Следующий раз буду есть уже

в Переделкине, в Доме творчества писателей.

– О! Хозяин пришел! – радостно встретила меня Марина. – Все в процессе, как видите! До десяти часов будем работать! Извиняйте – сами сроки поставили, так что терпите!

Я прошелся по комнате, вздохнул, глядя на закрытый газетами диван, и сообщил Марине, что следующие десять дней они будут работать без моего надзора. А когда та спросила, не боюсь ли я оставлять их в квартире – а вдруг они все из нее вынесут и убегут? – типа такая шутка юмора, – я сказал, что воровать у меня тут, кроме стройматериалов, нечего, а кроме того, я найду их и вырежу им сердца. Мне показалось или нет – но юмор у Марины сразу пошел на убыль. Рожа у меня такая, что ли... не располагающая к плоским шуткам.

Пришлось обосноваться на кухне, в кресле, где я и сидел до десяти часов, пока бригада заканчивала разрушение квартиры, собираясь завтра приняться и за кухню.

Перед уходом Марина зашла ко мне в кухню и, улыбаясь, попросила подписать мою книгу. Ну я и подписал – жалко, что ли? Когда уходила, вспомнил:

– Я позвоню, скажу свой номер в Доме творчества! Если что – звоните туда. И вот что – если кому-нибудь нужно это старье – сервант, комод, – пусть забирают. Или выкиньте к чертовой матери – когда закончите. Выгрузите только из них всякое там барахло – я потом разберусь, что нужно, а что не нужно. То же самое насчет кухни – старую плиту на помой-

ку! И старую сантехнику тоже! В общем – хочу приехать в чистую отремонтированную квартиру без этой всей рухляди. Договорились?

– Договорились! – улыбнулась Марина, и мы распрощались. Утром бригада должна была прийти в девять часов, так что я дождусь работяг, а потом уже и поеду заниматься творчеством в предназначенный для этого дом. Кстати, надо на утро вызвать такси. Ну не на поезде же поеду в Переделкино? Не на электричке? Неудобно как-то с пишущей машинкой – тяжелая!

Заказать такси, конечно, посложнее, чем в моем времени, но вообще-то проблема вполне решаемая – Москва же, не какой-то там Урюпинск. Кстати, город-легенда Урюпинск существует на самом деле, и очень даже хороший городишко. Тихий, спокойный, уютный казацкий городок. Я бы в таком жил.

Впрочем – это на любителя. Кто-то любит шумные, брызжущие энергией города, а кто-то тихие, сонные городишки, в которых никогда ничего не случается – за исключением запоев соседа дяди Сани да весенних наводнений, время от времени заставляющих жителей поплавать на лодках. Возраст, наверное, у меня уже такой, жизнь была слишком бурная. Теперь никакого бурливого горнила – только бы забраться в свою теплую норку и сидеть там, не высывая носа.

Впрочем – это было в прошлом. Теперь – хочешь не хо-

чешь, а бурный поток жизни несет меня куда придется и куда выбросит, где я найду уют-пристанище – знает только Провидение. А может, и оно не знает. Может, подымет на вершины, а может, и прихлопнет тяжелым камнем – это уж как Ему захочется.

Спал я беспокойно. Всю ночь снились рожи ментов, которых завалил в «пикете». Они мне что-то кричали, что-то говорили, и проснулся я рано утром мокрый, как мышь, вымотанный, будто разгрузил вагон угля. Все-таки отвык я от войны. Отвык убивать людей. Хотя... люди ли это?

Принял душ, собрал вещи. Да и вещей-то тех было совсем немного – то, что привез с собой. Надо было прикупить барахла в «Березке», но сразу-то и не сообразил. Кстати – а что мне мешает на такси вначале в «Березку», а потом уже и в Переделкино? Заодно куплю мебель и договорюсь, чтобы мне ее доставили на квартиру – когда закончат ремонт, конечно. Точно, так и сделаю!

Бригада пришла без пятнадцати девять, чем снова меня немало удивили. Где это видано, чтобы строители были пунктуальны, как поезда метрополитена?! Это нонсенс! Строитель вечно пьян и никогда не соблюдает сроки! Это все знают!

Не удержался, сказал об этом Марине, и та долго хохотала. Потом пошла и рассказала подчиненным – те тоже начали хохотать, и вот на такой позитивной ноте началось новое утро. Вполне себе неплохое такое майское утро.

Договорился с Мариной, что она примет мебель, которую доставят после моего звонка. Марина позвонит мне, я позво-ню в магазин – барахло привезут. Да, для этого времени сер-вис просто-таки за пределами высокого уровня, но ведь это «Березка»! И это Москва. Плати – и все будет как надо.

Как ни странно, и такси пришло вовремя – в половине десятого. Я время от времени поглядывал в окно, и когда увидел, как во двор вползает «ГАЗ-24» с таксистскими ша-сечками, – тут же подхватился и с чемоданчиком в руке, с машинкой в другой побежал вниз по лестнице. Я принци-пиально не пользовался здешним лифтом. Во-первых, надо больше двигаться, а нет лучше фитнеса, чем бег по лестнич-ным ступеням. Во-вторых... честно сказать – боюсь я этого чертова допотопного лифта! Ну его нахрен, это сооружение времен Навуходносора! Пусть на нем смелые люди ездят, а я пешочком похожу.

Водитель такси оказался мужчиной лет пятидесяти, ста-рый шоферюга, выдавший виды и намотавший сотни тысяч, а может, и миллионы километров на колеса своих «тачанок». Он был и не подобострастен, в ожидании хороших чаевых, но и не нагло заносчив, какими бывают ничтожные люди, же-лающие подняться за счет унижения окружающих, особен-но тех, кто от них зависит. Просто работяга, спокойный как танк профессионал, машина которого блестела чисто вымы-тыми боками и салон которой пах заводской краской и оде-колоном «Шипр».

– Новая? – поприветствовав водителя, спросил я, усаживаясь на переднее сиденье и бросив чемодан и машинку на заднее.

– Полгода как получил, – кивнул водитель, поворачивая ключ в замке зажигания. – Пришлось пободаться, когда новая партия пришла. Ну и...

– Пришлось денег дать, – ухмыльнулся я, зная Систему и порядки в таксопарке в частности. – Начальнику колонны, да? Пару тысяч? Или меньше?

– Тысячу, – ухмыльнулся таксист и внимательно посмотрел на меня. – В такси не работали? Больно уж хорошо наши порядки знаете. Да, у нас так – молодому рухлядь, если денег не даст. Да и если даст – новое не дадут. Нам, старикам, на чем тогда ездить? Мы костяк таксопарка, на нас он держится. А молодой – пришел, ушел, а машину раздолбал. И на чем план тогда делать? Я один из лучших водителей, двадцать лет уже в такси оттрубил, вот и...

– И заказы получше – тоже вам, – снова усмехнулся я. – Только не забыть диспетчера еще подмазать, да?

– Нет, вы точно у нас работали! – водитель удивленно поднял брови, – я определенно вас где-то видел!

– Писатель я. Информацию собираю, с людьми общаюсь – вот и знаю. Ничего особого. Писатель-фантаст.

– Оп-па! – таксист протянул руку и выудил откуда-то слева (из кармана на двери?) мою книгу!

– Так вот где я вас видел! На обложке! Я ее читал, пока

вас ждал у подъезда! Правда, недолго – вы быстро вышли. Классная книга! По блату взял! Оставьте автограф?

– Само собой, – вздохнул я и вкратце объяснил, куда сейчас с ним поедет. Про Переделкино он знал – путевку заранее туда выписали, с указанием пункта назначения, иначе гаишники оштрафуют (выезд за город только по путевке с указанием пункта назначения), а вот насчет «Березки» разговора не было. Впрочем, таксисту было все равно – лишние километры, а значит, лишние деньги – никогда не лишние, а ожидание тоже оплачивается, счетчик-то включен.

Таксист попался разговорчивый, что, впрочем, даже радовало. Отвлекал от нелегких мыслей. Каких? Да много – каких. Например – не аукнется ли мне расправа с ментами на станции метро. Как сложится дело с американцами. И самое главное – что там у Шелепина.

Эта мысль грызла меня каждый день, я просчитывал варианты, думал, во что все выльется – и для страны, и для меня в частности. Ну вот сместили Шелепин с Семичастным Брежнева – а что это будет для меня? Объявился я, такой весь умный и важный, и?

Скорее всего – засекретят и посадят в золотую клетку. Пиши, рассказывай о будущем – все, что знаешь. Абсолютная память у тебя? О как здорово! Просто замечательно! Вот и пиши!

Почему не можешь выйти в город погулять? Почему никуда ездить нельзя? Ну сам же должен понимать – а если попа-

дешь в руки врагов? А если кирпич на голову упадет? Мы не можем так рисковать! Нет, ну а что тебе не нравится? У тебя все есть! Хочешь – самая вкусная, самая экзотичная еда! Хочешь – занимайся спортом! Бабу желаешь? Самые лучшие, самые красивые девушки, комсомолки и члены партии готовы разделить с тобой постель – только пожелай! Денег тебе? Сколько хочешь! Да зачем они тебе, когда мы тебе даем все, что ты спрашиваешь?! Только вот выходить за территорию базы нельзя. Загорай, купайся в море – но за буйки не заплывай. Живи в свое удовольствие!

Реальный сценарий? Да более чем реальный. Такой реальный, что аж мороз по коже. И теперь нужно крепко подумать – как его избежать.

Кстати, возможен и такой вариант, что, когда я перестану быть нужен власти, меня просто уберут. Это сделать очень просто – сыпануть какого-нибудь экзотического безвкусного яда в пирожок, и отправлюсь я в иной мир. Нет, не в параллельный. Не спасать СССР.

Что, такого не может быть? Я ведь оказал стране и тому же Шелепину огромную услугу? И что? Ну – оказал, как loyalный стране гражданин. Только вот обстоятельства таковы, что возникла необходимость меня похоронить. Прости и прощай!

Невозможен такой сценарий? Да щас прям! Спецслужбы – они на то и спецслужбы, чтобы творить любые гадости во славу родного государства. А вернее – тех, кто во главе его

стоит. Спецслужба – она ведь не сама по себе, если только ее глава не собирается совершить государственный переворот. Спецслужба – инструмент власти. Один из рычагов, которыми власть управляет страной. Или даже миром.

Вывод: мне нельзя выходить на свет ни в коем случае. Общаться через какие-то каналы связи – это пожалуйста. Слать им отчеты – запросто. Но вот объявляться, бить себя в грудь: «Я Шаман! Любите меня, холите, лелейте!» – это было бы верхом глупости. Значит, буду скрываться сколько смогу. До тех пор, пока не найдут. А там видно будет.

В «Березке» я задержался на час. Выбрал мебель, выбрал аудиотехнику, выбрал стенку и книжные полки. В общем – выбрал все, что мне было нужно в отремонтированную квартиру. Много-то в нее все равно не влезет, так что выбор особо не затянулся. Основное время заняли переговоры о том, как доставить покупки, а еще – подписывание моих книг директорше и заведомлением. Но это уже было как ритуал – куда деваться? Если ты стал известной личностью – терпи! Нечего строить рожи, как мелкие звездочки и звездульки из 2018 года! Типа – «Я такой утомленный славой! Ах, оставьте!» Глупо врать самому себе, что слава тебе неприятна, но на самом деле – это немного утомляет. Если тебя узнают, пусть и случайно – и таксист, и продавщица в магазине, и бригадир бригады строителей, – эдак и не скроешься от народного глаза. А иногда, по крайней мере мне, очень нужно остаться неузнанным...

Заплатил за мебель, заранее заплатил грузчикам, за перевозку, заплатил даже за сборку мебели – тем же грузчикам и удовлетворенный уселся в ожидавшее меня такси. Водитель ничуть не был раздосадован моим долгим отсутствием – все это время он читал мою книжку и, когда я уселся, начал мне втирать, что можно было бы в сюжете добавить то и добавить это. Нет – ну так-то, конечно, очень здорово, интересно, но ТАК было бы еще интереснее, точно!

Мне стало смешно. Нигде не укрыться от желающих улучшить, поправить твою книгу. Ну вот все отлично, но если бы писал *этот* человек, то книга вообще бы стала гениальной! Без всякого сомнения!

Так и подмывает всегда спросить: а какого черта тогда ты сам не написал эту книгу? Впрочем, этих людей такими подлыми вопросами не смутишь. У них есть один козырный, непробиваемый ответ: времени нет! Но вот как найду время, напишу ничуть не хуже!

Здесь был немного другой случай – это в 2018 году каждый второй читатель считает, что уж он-то написал бы лучше бездаря-графомана, книгу которого он только что прочитал. Здесь же все еще испытывают величайшее уважение к писательскому ремеслу, а самих писателей считают настоящими небожителями. И это, черт возьми, очень приятно! Себе-то я уж точно не совру – давно отучился это делать.

Дорога в Переделкино оказалась приятной и совсем не напряжной. Полноценной жары еще не было, теплый вете-

рок доносил запахи мокрой земли, свежей листвы, цветов – в общем, всего того, что приличествует порядочной весне. И пробок – ноль! Да, да – никаких пробок! Просто едешь, выставив локоть в окно, и наслаждаешься весной!

Фантастика, я понимаю... разве может быть город без пробок? А для Москвы так это нормальное состояние, когда ее улицы наглухо закупорены машинами со злыми и потными москвичами за рулем. И не только москвичами – но злыми и потными. Злые – это потому, что для москвича (и нью-москвича особенно) нормально быть злым (понаехали!), а потные потому, что у многих москвичей – не знаю почему – не принято включать кондиционеры в автомобиле. Они считают, что все болезни от этого страшного агрегата, он рассадник чумы, проказы и туберкулеза. А вот если в жару, когда плавится асфальт, раскрыть в машине все окна и дышать автомобильной гарью – это все нормально, в порядке вещей. Ну такой своеобразный извращенный ЗОЖ. «Сдвиг по фазе».

Дом творчества был прекрасен в своем неоклассицизме. Построенный еще при «дяде Джо», то есть Иосифе Виссарионовиче, он восхищал своей варварской роскошью, достойной классиков литературы. И не классиков, злостных фантастов – тоже. Белые колонны подпирали двускатную крышу, украшенную лепниной, и, казалось, дом приподнялся на эти самые руки-колонны и нависает над тобой, грозно спрашивая: «А ты что написал для блага советского государства?!»

Нет, ну так-то я написал и отправил, только Дому об этом рассказывать не буду. Пусть думает, что я просто писатель-фантаст, опередивший это время своими сказками для взрослых.

Кстати, до сих пор не понимаю – почему никто так и не осознал, что взрослые не меньше детей нуждаются в сказках? А может, даже и больше нуждаются в сказках, чем дети! Уйти от серой обыденности, раствориться в красочных фантазиях – разве это было бы плохо? Люди устали от всяких там «Танкеров «Дербент» и «Оптимистической трагедии»! Хватит трагедий! Хватит борьбы! Дайте людям сказку! Дайте им наконец-то пожить! Они это заслужили, точно!

Расплатился с таксистом и добавил ему еще десятку сверху. Он был очень доволен, искренне благодарил и напоследок сказал, что расскажет обо мне, о том, как возил знаменитого писателя всем знакомым, и особенно в таксопарке. Парни просто обзавидуются!

Не знаю, чему тут завидовать, но пусть, если хочется. Не возбраняется. У всех свои заморочки.

Подхватив вещи, двинулся к входу в Дом творчества, сопровождаемый взглядами гуляющих по аллее людей. Их было немного – взрослые мужики моего возраста и старше, дамы – тоже этих возрастов. Совсем молодых не было, это и понятно, – чтобы пробиться в Союз писателей, надо написать что-то такое, что издадут, да и не одну книгу, а потом пройти рогатки при вступлении в СП. И только после этого,

побыв в Союзе некоторое время (годик, два), можно претендовать на место в Доме творчества. И то – вначале написать заявление и дожидаться, когда тебе предоставят место. И не факт, что это будет весной или летом. Весна и лето зарезервированы для Особо Важных Персон. ВИП то есть. Ну таких, как я, ага.

Хе-хе-хе... вот что деньги животворящие делают! Ну и связи – само собой. Без связей в этом мире, в этой стране, в этом времени – деньги просто пустые бумажки. Их и потратить-то не сможешь.

Впрочем, в этом времени вместе с официально заработанными деньгами сразу прилагаются и все социальные блага – путевки, квартиры и все такое прочее. Вот если ты тайный цеховик и у тебя куча денег – тогда да, черта с два ты купишь «Волгу» по госцене и кооперативную квартиру. И дом – если начнешь строить, к тебе могут прийти товарищи из ОБХСС и строго спросить: «Откуда деньги?! Ну-ка, расскажите-ка нам, как заработали капиталы!» Вспомнить только Корейко, который не мог угостить девушку мороженым, имея в чемодане несколько миллионов рублей.

И с тех пор ничего не изменилось. Я, кстати, застал то время, когда людям запрещали строить двухэтажные дачи. Расскажи молодым, что такое могло быть, – ведь не поверят. Но так оно и было – нельзя!

Машину милиционер мог купить только по разрешению начальника УВД! Опять же – ведь не поверят!

Было, было такое время. Тогда ведь как исхитрялись: строят дачу двухэтажную, но живут только на втором этаже. А первый этаж – это типа хозблок, гараж и бендешка для инструмента. Знал одного майора, замполита роты Облгаи, он именно так и сделал. Ну а потом, когда наступила пере-стройка, все изменилось, уже никто не спрашивал, откуда у тебя взялись деньги, на какие шиши ты построил свой особняк, и возле РОВД и ГУВД тут же выстроились ряды блестящих дорогих иномарок, на каждую из которых менту надо было служить лет пять, а то и десять, при этом ни гроша из зарплаты не тратя ни на еду, ни на одежду.

Хорошо ли это? Наверное, нет. Были, конечно, перегибы – с тем же вторым этажом и разрешением на приобретение машины, но с другой стороны – полная бесконтрольность, она кому нужна? Если только преступникам и оборотням в погонах. Если ты служишь на госслужбе – будь готов показать свои доходы и, самое главное, – расходы. Ведь в нашем государстве расходы человека частенько в десятки, а то и в сотни, тысячи раз превышают полученные за то же время доходы. Воруют, да. Много воруют!

Обогнув похожий на половинку колеса заборчик с колоннами, поднимаюсь по ступеням на крыльцо, выложенное плиткой. В одной руке чемодан, в другой – печатная машинка, которую перед этим купил в «Березке». Электрическая печатная машинка, портативная и очень удобная. Она сразу увеличила скорость моего письма раза в два, не меньше.

– Товарищ, вы к кому? – это женщина за стойкой на ресепшене (правда, такого названия еще и не знают – ресепшен).

– Я заселяться, с путевкой, – уведомил я строгую вахтершу, – к кому мне обратиться?

– Пройдите на второй этаж, к дежурной – она все устроит. Как подниметесь – сразу направо, там уже увидите!

Красиво. Ей-ей – красиво! Толстые ковровые дорожки гасят шаги – ничто не должно мешать творчеству авторов! Тишина! Высокие потолки – гиганты мысли не должны ударяться вместилищем разума о потолочные перекрытия! Вдруг повредится источник идеологически выдержанных текстов?!

На стенах – портреты. Читаю... лауреат Сталинской премии... лауреат Государственной премии... Герой Социалистического Труда... герой... герой... лауреат... лауреат... и тут я, с посконным рылом в калашный ряд!

Кто все эти люди?! Всматриваюсь в лица и никого не могу узнать. И фамилии не знаю. Хотя... вон тот – вроде как поэт, но стихов его не помню. Да, поэт – так написано.

Эта женщина с невыговариваемым именем – то ли туркменская, то ли таджикская писательница. Тоже лауреатка чего-то там. Чего-то поскромнее, чем Госпремия.

А это кто? Нет, не знаю... не знаю... не знаю... А, ладно – какого черта я забиваю себе голову?! Ну на кой хрен мне эти забытые, никому не нужные бумагомараки?! А ведь пре-

мии получали, на заседаниях заседали! И кому теперь нужны их опусы? Кто их помнит после смерти? Впрочем – они сейчас-то ведь живы, по крайней мере – большинство из них. И если я не читал их книг, не знал об их существовании, ведь это совсем ничего не значит. В свое время – их знают. Ценят.

Да и по большому счету – а кто будет помнить меня? Мои книги? А если и будут помнить – то как именно? С улыбкой и ехидным смешком, как устаревшие книги времен «совка»? Вот, к примеру, у Стругацких есть «Страна багровых туч». Популярная в это время книжка! Очень популярная! А в мое время? В моем мире? Да кто ее будет читать? Если бы кто-то написал эту книгу в 2018 году, он бы никогда и нигде ее не смог издать! Почему? Потому что все, что написано в книге, – безнадежно устарело. Потому что уровень писательского мастерства в этой книге на уровне очень средненького писателя 2018 года. Потому что сюжет просто неинтересен, слаб и не выдерживает малейшей критики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.